

Иди к черту, ведьма!

Автор:

[Анна Бруша](#)

Иди к черту, ведьма!

Анна Бруша

Колдовские миры

С одной стороны, это книга про мужчину, а с другой – про женщину.

Как-то один черт решил круто изменить свою жизнь и переехал из Ада в Москву. Тут-то все и началось...

Нет, не так.

Как-то одной женщине пришлось делать выбор: или любимый кот, или бойфренд. Вот тут-то все и началось...

Нет. Хотя...

Ладно. Главное, что началось! Пусть даже черт не знает, как кратко изложить содержание сей истории. Но важно, что это несерьезная книга на серьезную тему: как сложно встретить мужчину своей мечты и так ли страшен черт, как его малюют.

Анна Бруша

Иди к черту, ведьма!

* * *

Глава 1

Утро в Аду – самое лучшее время. Кроваво-красные всполохи еще не такие яркие, а огненные реки – не такие жаркие. Приятно. Можно даже сказать – свежо. Этим адским утром черт Варфоломей то и дело улыбался, а его хвост иногда подрагивал от волнения. Казалось, еще чуть-чуть, и за спиной у него вырастут крылья. Ангельские.

В это романтическое время (да, время для романтики в Аду – утро, а не вечер, как это обычно бывает на Земле) он спешил на встречу с демонессой – красавицей Кайли. До встречи с Кайли Варфоломей страшно страдал от одиночества и всякого отсутствия личной жизни. Но вот уже два месяца он жил, как в Раю. Целые дни они проводили с Кайли в постели. После долгого вынужденного воздержания черт был ненасытен. Он упивался страстью, с наслаждением исследовал прекрасное тело. Иногда ему даже казалось, что это не просто физиология, а самое настоящее слияние душ.

Варфоломей был чертом прогрессивным и почитывал на досуге научно-популярные журналы. Особенно любил «Вокруг Ада» и «Наука и смерть». Так вот, в последнем выпуске была напечатана короткая заметка о том, что, возможно, ученым все же удалось обнаружить у чертей и демонов наличие души. Данный факт мог привести к настоящей революции в Аду. Тысячи чертей могли начать требовать отпуска в Раю... В общем, тираж журнала быстренько изъяли, чтобы не началось черт знает что.

Мысли Варфоломея снова вернулись к Кайли. О, как она умела его зажечь, как стонала его имя! При одном воспоминании о легкой хрипотце в ее голосе, об этом «Вар-р-р-фоломей» у черта шерсть на спине встала дыбом. Ну, и еще кое-что.

В общем, Варфоломей был неприлично, восторженно счастлив и в очередной раз задавался вопросом, почему такое шикарное похотливое исчадие ада выбрало его.

Надо сказать, у него имелись основания для сомнения. И это несмотря на то, что он обладал набором неоспоримых достоинств. Например, был широкоплеч. Мнение о том, что все черти мелкие, – устойчивый предрассудок, не имеющий отношения к реальности. Даже непонятно, кому понадобилось их унижать и распускать такие слухи.

Но вернемся к достоинствам Варфоломея. Он был приятно волосат, а также обладал недюжинной силой. Рога – аккуратные, с тремя завитками – торчали под хорошим углом. Рыльце в пушку. Мужская гордость... В общем, было там чем гордиться.

Все это перечеркивал один-единственный, но очень существенный недостаток. Черт был белым. Сквозь белый жесткий мех проглядывала беззащитно розовая кожа. А еще, стыдно сказать, глаза у него были... небесно-голубого цвета.

Ну и имя, конечно.

Родители Варфоломея обладали чертовски специфическим чувством юмора. Когда акушерка вложила его в руки матери и та увидела беленького чертеночка, она так смеялась, что в комнату примчался новоиспеченный отец. Он озадаченно крикнул, глядя на сына. Сам-то папа был обладателем эффектной шерсти цвета угля.

Кстати, черти очень чувствительны к оттенкам черного. Поэтому вы никогда не услышите, чтобы кто-то из них называл черное просто «черным». Нет, черт точно определит оттенок: антрацит, цвет воронова крыла или черный, как остывшая лава. Поверьте, у них в запасе полно вариантов.

Так вот: отец долго рассматривал белоснежное дитя, которое кривило ротик и бессмысленно таращило голубые глазки, а потом изрек удивительную истину:

– Детей не выбирают. А давай назовем его Варфоломей?

Мать нахмурилась. Во-первых, она слишком устала после родов, а во-вторых, имя ей показалось подходящим, но как истинная демонесса она сначала возразила:

– Варфоломей? Мы же хотели назвать его в честь Люцифера.

– Слушай, сейчас этих Люциферов – как грязи. Каждый первый Люцифер, а каждый второй – Баал... У меня на работе три Вельзевула. Подумай, что будет в детском саду, – черту все больше нравилась собственная идея. – И еще: с Варфоломея – ну, его еще святым объявили – сняли кожу, так что он был таким же розовым.

– Ой, как оригинально!

Так Варфоломей обрел не совсем уместное для Ада имя.

Но в одном его отец оказался прав. Ни в детском саду, ни в школе, ни в адском легионе ему не встречалось других Варфоломеев. Как, впрочем, и других белых чертей. Легко можно представить, как жилось ему с белой шерстью и именем святого. Как в Аду, в худшем смысле этого слова. Сколько насмешек и издевательств... Но теперь Варфоломей бодрой рысцой бежал к любимой женщине, и прошлое, казалось, осталось в прошлом.

Кайли встретила его в дверях, красивая и соблазнительная. Варфоломей стиснул ее в объятиях, потянулся, чтобы поцеловать, но она натянуто улыбнулась и отстранилась.

– Варфоломей, нам нужно поговорить.

Она вывернулась и прошла, цокая коготками.

– Садись.

Кайли кивнула на кровать, а сама села на пуфик.

Это короткое «садись» прозвучало в ушах черта похоронным колоколом. Он сел на край кровати, положил руки на колени и уставился на свои пальцы.

– Я подумала. Нам нужно расстаться, – довольно уверенно начала она.

Варфоломей вспомнил о душе. Она болела, горела и металась.

– Понимаешь, я не могу быть с тобой. Все как-то неправильно с самого начала. Я думала, что смогу с этим справиться, но буду честной: не получается. Не могу представить, как знакомлю тебя со своими друзьями. Мои родители... они тоже не поймут. Эта твоя особенность... понимаешь...

Варфоломей старался дышать как можно медленнее. Если души все же нет, тогда это – фантомная боль. Но легче от мысли не становилось.

– Я разве скрывал то, как выгляжу? Только сейчас заметила?

В голосе его не было злости, только бесконечная усталость.

– Нет. – Кайли выглядела потерянной. Она облизнула раздвоенным язычком пересохшие губы. – Нет, я правда думала, что справлюсь и мне это неважно. Но оказалось, все-таки важно.

Говорила она искренне, но от этого было не легче.

Варфоломей поднялся и молча пошел прочь. А что тут скажешь... Он слышал, как Кайли заплакала.

В этот момент Варфоломей понял: нужно взять – и поменять свою жизнь.

* * *

Нет, Варфоломей не расклеился, как это обычно бывает что с чертями, что с людьми. Он не залез под одеяло и даже не поплелся в бар «У Вельзика», чтобы утопить эмоции в огненной воде. Наоборот, стал предельно собран и развил бурную деятельность: явился к начальнику и решительно потребовал перевода как можно дальше от Ада.

Конечно, начальник на всякий случай сразу же впал в первичную ярость, но потом повнимательнее посмотрел в лихорадочно блестящие глаза Варфоломея и понял, что в таком состоянии этот черт согласится на все.

Он мгновенно сменил стратегию и заговорил тоном, полным участия и отеческой заботы.

– Варфоломей, – сказал он, – ты редкостный счастливчик!

Челюсть Варфоломея напряглась, хвост нервно дернулся.

– Потому что у меня как раз есть запрос оттуда, – начальник показал пальцем вверх.

Варфоломею сейчас было все равно откуда.

Начальник мысленно поздравил себя с удачным стечением обстоятельств. Он должен был уже давно послать кого-то на Землю, но, когда речь шла о Земле, подчиненные проявляли чертовскую смекалку и выворачивались... выскальзывали... крутились, простите, как черти на сковороде. Поэтому дело каждый раз откладывалось в новый ящик и затягивалось (даже по меркам Ада) неприлично долго. А, как известно, в Аду никто не торопится.

И тут на тебе – такой подарок!

Что бы ни случилось у Варфоломея, начальник возблагодарил небо (хотя это и странно) и выписал путевку в новую жизнь, не забыв скрепить договор о переводе кровью. Для надежности.

* * *

Утро – не самое романтическое и любимое время в Москве. Его ненавидит огромное количество народу, особенно когда нужно спешить на работу, а за окном еще сумерки.

Ева проснулась от легкого щекочущего прикосновения. Ей не нужно было спешить. И в последнее время она просыпалась с улыбкой.

– Мр-р-р... – мурлыкнула она и приоткрыла один глаз. – Ты красавец, Григорий.

Григорий смотрел на нее пронзительно зелеными глазами. Он грациозно потянулся, широко зевнул и потерся головой о щеку Евы.

Григорий был котом. Самым необыкновенным, с самыми выдающимися серыми полосками на короткой шерсти, чуть кривоватыми задними лапами и бандитской ухмылкой. Ева втайне считала Григория идеальным мужчиной.

Он был с ней нежен, всегда очень внимательно ее слушал, встречал с работы и был совершенно неприхотлив в еде. И, что немаловажно, Григорий был аккуратист, и осечек с лотком у него не случалось никогда. Кот достался Еве как утешительный приз после расставания с бывшим.

Этот мохнатый психотерапевт очень ей помог. Она обрела уверенность в себе и начала много рисовать. Как художник-иллюстратор Ева оформляла книги, сотрудничала с журналами. А иногда ее по знакомству звали в театр, тогда она могла придумывать костюмы и декорации. Ее имя довольно часто мелькало в программах.

Кота очень интересовало ее творчество, он самозабвенно крал кисточки, пил воду для акварели, наступал в краску, чтобы оставлять на бумаге живописные следы лап и хвоста. Ева даже повесила картину работы Григория на стену, не поленившись оформить ее в раму.

В общем, это большая редкость, когда мужчина полностью разделяет интересы своей второй половинки.

Ева почесала Григория за ухом, кот ответил низким блаженным урчанием.

Так вот, о бывшем Евы. Сейчас она могла бы сказать, что ее бывший – незрелый инфантильный истерик, склонный к самоутверждению за чужой счет. Слепо влюбленная, тогда Ева этого не замечала. Виктор. Его звали Виктор.

Как сейчас модно говорить, он был «токсичным человеком». Вселял в Еву неуверенность в себе, «отбил» ее от друзей, изводил мелкими придирками. И все бы кончилось плохо, если бы как-то раз, гуляя, они не встретили Григория, который в ту пору был маленьким и довольно жалким мяукающим комочком шерсти.

Виктор его подобрал и решительно заявил Еве, что «они должны спасти животное». Ева не планировала заводить кота, но, желая порадовать Виктора, согласилась.

Григорий, чувствуя свое не совсем легальное положение, очень старался, и Ева с каждым днем все больше радовалась, что в ее квартире появился этот зверь. Покупала ему смешные игрушки. У Григория появилась собственность в виде мисок и личного пледа.

А вот Виктор раздражался и ревновал. И однажды, вернувшись из театра, Ева обнаружила, что игрушки свалены в кучу, а ее Григорий заточен в пластиковую переноску.

– Кот меня достал, – заявил Виктор. – Мы должны от него избавиться. У нас тут круглосуточная ветеринарка, давай его усыпим.

Он привел какой-то формальный повод в виде подранного кресла, обоев и оцарапанной руки.

От такой неоправданной холодной жестокости Ева онемела. Она впервые ясно посмотрела на этого мужчину и... разлюбила его окончательно и бесповоротно. Мгновенно. Григорий был освобожден, Ева тоже стала совершенно свободной. А Виктор со скандалом покинул ее жизнь и ее квартиру.

Все проблемы оказалось достаточно просто уладить: Григорий и Ева дообдирали обои в коридоре, теперь стены радовали глаз приятным мятным цветом. Кресло было выкинуто, и места стало больше. А Григорию была куплена когтеточка.

– А у меня сегодня свидание. – Ева перевернулась на бок, положила руку под щеку. – Посмотрим, как себя будет вести Андрей на этот раз.

Кот бросил на нее подозрительный взгляд, как будто понял.

– Что-то я не уверена в нем, хотя он симпатичный. Конечно, не такой красивый, как ты, – ворковала Ева.

Григорий довольно сощурился. Он был уверен в собственной неотразимости.

Ева поднялась с постели и сладко потянулась. Спала она всегда совершенно обнаженной. Даже самая легкая ночная сорочка казалось ей душной и жаркой. Часто лунными безоблачными ночами во сне Ева сбрасывала одеяло, открывая себя призрачному, зыбкому свету, тогда ее смугловатая кожа приобретала особенную гладкость и сияние.

Вообще выглядела Ева так, словно по высшему замыслу должна была стать брюнеткой. Яркие черные ресницы и брови, сочные винные губы, карие глаза, которые временами казались зелеными. Но потом кто-то резко изменил план и наделил ее светлыми пепельно-русыми волосами.

Ева пробовала восстановить гармонию и какое-то время красилась в темный цвет, но по неведомой причине краска не хотела держаться и вымывалась почти мгновенно, оставляя пережженный неопределенный оттенок. Неопределенный оттенок больно ранил тонкий художественный вкус, поэтому от попыток пришлось отказаться.

Родители Евы были русыми и светловолосыми. В семье ходила шутка, что в ней проявились гены прапрадеда, которого все упорно называли Греком. О нем было известно только то, что он носил золотую серьгу и плавал на корабле. Глядя на фотографии прабабушки, Ева обычно думала, что скорее уж далекий дедушка был цыганом.

Узнать точно не представлялось возможности, но, как говорится, из песни слов не выкинешь: Ева питала слабость к крупным серьгам и кольцам с цветными камнями. И хотя не признавалась в этом даже себе, ей нравились красные рубашки на мужчинах.

Тем временем Еве предстоял сложный утренний выбор. Она неторопливо подошла к комоду и открыла ящик с бельем – источником мотивации и тонкой душевной настройки женщины. Если бы Ева была колдуньей, этот ящик мог бы

стать местом силы в ее доме.

Комфорт, стабильность и полное принятие своего «я» были представлены коллекцией хлопковой классики с божьими коровками на попе, с веселыми надписями и марширующими енотами. Но сегодня этот вариант не рассматривался. Взгляд Евы скользил по черному шелку и кружеву. Эти комплекты – своего рода универсальный доспех, защищающий самооценку от почти любых превратностей судьбы. В черном цвете воплощались неотразимость, уверенность в себе и безоговорочные победы.

Она прищурилась и подцепила переплетение красных веревочек с крошечным лоскутком. Это дорогущее творение дизайнера принадлежало безбашенности, риску и самым смелым фантазиям, но отличалось очень неудобным кроем. Своего рода особенное оружие для особенных случаев.

Ева покачала головой. Нет. Все-таки черное.

Выбор сделан.

Глава 2

Не успел Варфоломей оглянуться, как были улажены все формальности, и он обнаружил себя стоящим перед порталом, ведущим в мир верхний, то есть на Землю. Чем ему там предстояло заниматься, Варфоломей не знал: все происходило в такой спешке, что начальник только сказал: «Справишься, инструкции по прибытии».

Маленький пожилой черт, подслеповато щурясь, водил дрожащими лапами по блестящим рычагам. На груди у него висел пергамент с древними рунами: «В случае чего – того. Тряси».

Варфоломей призадумался и решил, что перевел неточно. Просто подзабыл руны со школы.

– На Землю? – прошамкал черт.

– Да.

Варфоломей попереминался с копыта на копыто, и сердце его тревожно сжалось. Все-таки из Ада он раньше не выезжал. А служитель портала продолжил созерцать рычаги. Было слышно, как за стенами течет лава. Что-то назойливо тикало. Где-то вдалеке ухнул, а потом крикнул бес-пересмешник.

– Эм-м... – прервал затянувшуюся паузу Варфоломей.

Тогда старый черт вдруг оживился и бодро начал:

– Да, так вот это самое... ага.

Он оборвал странную фразу на полуслове и устремил взгляд в пространство.

Ситуация выходила дурацкая. Не так Варфоломей представлял начало новой жизни. Хотя ни в одном из миров никто не представляет себе начало собственной жизни. На то оно и начало, чтобы с него все начиналось.

Варфоломей разозлился. Он грозно навис над старичком и громко сказал:

– Что делать-то надо?

– На Землю? – удивленно моргнув, спросил черт.

– Да.

Разговор повторился еще шесть раз. Не поверите, но черт, у которого проблемы с кратковременной памятью, выведет из себя и святого.

И тут Варфоломей понял смысл таинственного послания.

Он схватил старого черта и крепко потряс. Голова того задергалась, а потом в глазах зажглось понимание.

– Так чего не сказал-то, что на Землю?! – рявкнул он. – Времени у меня тут – с каждым нянчиться! Придут и не говорят, чего хочут. Давай, становись на кружок. Ну черти пошли! Никакого понимания.

Он еще долго ругался и бубнил себе под нос, двигал рычаги, пинал копытами блоки. Варфоломей стоял в круге из странных символов, прижимал документы о переводе и надеялся, что черт ничего не перепутает.

– Счастливого пути!

Варфоломей почувствовал, что его тянет вверх, а потом перед глазами все поплыло. Он не мог знать о космонавтах и центрифуге, а между тем ощущения были очень схожи: черта крутило и вертело. Вообще переход из одного мира в другой – довольно тошнотворное дело. В прямом смысле слова.

Так что Варфоломея лучше ненадолго оставить. Пусть приходит в себя.

* * *

Ева сидела в «Кофе хаузе» на Третьяковской, вертела в руках чашку с капучино, обаятельно улыбалась Андрею и думала о неудачных свиданиях.

Андрей расправил плечи, в больших серых глазах зажегся азарт.

– Ева, – сказал он, – а ты когда-нибудь слушала... – и назвал очередное имя очередного исполнителя классического джаза.

Ева отрицательно качнула головой. Имя не зацепилось в памяти, немедленно забылось. За сорок минут это была уже пятнадцатая история о легендах джаза. Ну ладно... не пятнадцатая, но около того. Похоже, Андрей не мог говорить ни о чем другом.

– Я был на его концерте. Потрясающая энергетика... – бубнил он.

Он продолжил рассуждать об энергетике, а Ева погрузилась в свои мысли.

Андрей был красив. Именно поэтому она дала ему второй шанс и пошла на третье свидание. У Евы имелось правило: не судить о человеке по первому свиданию. Каждый имеет право на ошибку. Допустим, человек просто нервничает. Ну или день у него не задался. И тогда он ожидаемо начинает говорить на тему, которую хорошо знает. Скажем, о джазе.

Но на втором свидании ситуация повторилась. Андрей снова говорил о джазе, Ева пробовала повернуть разговор в другое русло, но мужчина тут же сникал и замыкался, становился угрюм и молчалив. Из его глаз уходил блеск. Стоило вернуться к джазу, как он буквально оживал.

В общем, было понятно, что он безнадежен, но Ева сдаваться не любила, поэтому сидела в «Кофе хаузе» и пила капучино. Хотя капучино оправдал ее ожидания.

Тут Андрей придвинулся поближе и, понизив свой изумительный голос до шепота, сказал:

– А может, поедem ко мне? Послушаем... на виниле?..

Сколько страсти было вложено в слово «винил»!

Ева внимательно на него посмотрела. Она очень опасалась, что предложение не содержит никакого подтекста и Андрей действительно покажет коллекцию пластинок. А если все-таки нет?

Ева представила на секундочку их возможную с Андреем совместную жизнь, которая проходит под звуки джаза и разговоры о джазе. Даже в постели: «Дорогая, ты можешь стонать на полтона ниже?»

А когда появятся дети...

Она вообразила себе двух младенцев. Один сидел на горшке и дул в крошечный саксофон. Звук получался соответствующий. А второй мерно отбивал ритм тарелкой об стол. Нет. Такое будущее не радовало.

Ева решительно поднялась.

– Извини, Андрей, но мне пора.

Она так быстро выбежала, что даже не услышала, что он обещал звонить и писать. Но это было и неважно.

В сумке Евы вздрогнул телефон. Звонила лучшая подруга Софийка, которая познакомила Еву с Андреем и теперь чувствовала ответственность.

– Ну и что?

Ева ответила лаконично:

«-»

Она уже почти спустилась в метро.

«Черт с ним», – пришел молниеносный ответ.

Софийка не унывала.

«Завтра к тебе приеду».

Нет, она не спрашивала, а ставила Еву в известность.

«С подарком))))))».

Ева напрягалась: такое количество скобочек могло скрывать хороший подвох.

* * *

Варфоломей тряхнул головой. В глазах двоилось, и казалось, что лежит он в двойном круге. Символы горели остывающим адским пламенем.

– Вот же черт! Батюшки святы! – раздался пронзительный голос рядом. – Ни стыда, ни совести у людей! Идем, Сэмушка. На детской площадке разлегся!

Варфоломей с трудом повернул голову: теперь перед ним двоились Клавдия Александровна Покусайкина и ее любимый мопс Сэмушка, раскормленный до толщины двух мопсов.

Варфоломей вздохнул.

– Еще и рога нацепил! – возмутилась женщина и добавила: – Капслок хренов.

Сэмушка глухо тявкнул и грозно зарычал, поддерживая хозяйку.

Клавдия Александровна ошиблась. Она, конечно, была пенсионеркой продвинутой, обожала своих внуков, которые по неведомой причине взялись просвещать ее на тему молодежных субкультур и рассказали, что иногда люди переодеваются в персонажей фильмов и аниме. И слово назвали: «Косплей». А перед этим показывали, как печатать на компьютере, и там кнопочка есть такая – «капслок». Так что возникла небольшая путаница, но для Варфоломея оба слова все равно были пустым звуком.

Черт сел и уставился на свои ноги. Копыта исчезли и образовались стопы с пальцами. Варфоломей был в шоке. Пальцы на ногах! По пять штук на каждой. Он схватился за голову: рога, к счастью, были на месте. Дернул хвостом. Тоже все хорошо. Для того, кто только что совершил переход в мир иной, выглядел он просто прекрасно. Даже по человеческим меркам. Подумаешь, хвост.

Черт огляделся. Вокруг возвышались серые громады с тысячами черных окон. Небо тоже серое. Единственным ярким пятном были качели и две горки. Варфоломей удивился тому, что портал находился в таком многолюдном месте.

Все еще оглушенный переходом и дезориентированный, он продолжил созерцать обычные московские многоэтажки. Клавдия Александровна бросила на него гневный осуждающий взгляд и отправилась дальше, им с Сэмушкой еще нужно было зайти в магазин. А голый мужик на детской площадке, пусть даже с рогами, – это все-таки недостаточный повод, чтобы менять планы.

Адский жар, исходящий от круга портала, постепенно растворился в прохладном воздухе. Черт от непривычки начал дрожать, а потом заволновался. Его должны были встретить! Конечно, он не рассчитывал на торжественную встречу с черной

ковровой дорожкой и факелами, но хоть как-то?..

Никого. Продолжать сидеть на асфальте было довольно холодно, пришлось подняться. Черт сделал шаг и поморщился. Без копыт ходить непривычно, а мягкими пятками по асфальту – еще и больно.

Варфоломей стоял и озирался, когда перед ним остановился большой черный автомобиль. Дверца открылась, из темного салона показалась когтистая рука с крупным рубиновым кольцом (именно рубиновым, сделанным из цельного рубина огромного размера; и не просто какого-то рубина, а редчайшего, цвета голубиной крови) и поманила Варфоломея. За неимением альтернатив он нырнул в машину.

Несколько секунд Варфоломей и хозяин диковинного перстня рассматривали друг друга с большим удивлением. То, что рядом с Варфоломеем сидел черт, сомнений не было: угольки глаз с тлеющим глубоко внутри адским пламенем, смоляные кудри, чуть заостренные уши... Но вот рогов не наблюдалось.

«Бедолага безрогий, – подумал Варфоломей, – не повезло как».

Еще, в отличие от адских реалий, московские требовали одежды. Черт был модным. На нем отлично сидели темные джинсы, бутылочного цвета твидовый пиджак с розовой шелковой подкладкой и нежно-голубая хрустящая рубашка.

Варфоломей дернул носом: в машине пахло кожей, деревом и кофе.

– М-да, – изрек черт. – Из Ада? Семен, поехали.

Мотор приятно заурчал, и машина тронулась.

– Домой или в офис, Амадей Веленович? – уважительно поинтересовался водитель, кстати говоря, обычный человек.

– Домой, – откликнулся черт.

Варфоломей запоздало кивнул.

– Из Ада, – хрипло ответил он.

– Не ждали, – отозвался Амадей, – уже лет двести пятьдесят как. А что, отправляет все тот же?.. Его еще потрясти надо?

– Да.

Черт поцокал языком.

– Никто не молодеет, но с твоей маскировкой старикан промахнулся, – сказал он, поглядывая на рога Варфоломея. – Как звать?

– Варфоломей.

– Ох, твою ж мать при всем уважении! Я Амадей, – представился черт и протянул руку.

Варфоломей ее пожал.

За окном проносились дома, по улицам ходили люди. Чуть распогодилось, показалось бледное солнце.

– Почему портал, – Варфоломей откашлялся, – в таком странном месте?

– А, это. Раздолбайство, – весело откликнулся Амадей. – Тут все так быстро меняется! Раньше там наше гнездо располагалось, как сейчас говорят – «офис». Лес и поля кругом... Красота! Но Москва так разрослась... Потом домов понастроили, а портал остался. Тебя к нам за что?

– Сам попросился, – отрезал Варфоломей так, что сразу становилось ясно: распространяться на эту тему в дальнейшем он не намерен.

Амадей запустил пятерню в волосы и потер затылок.

– Разберемся. Служил?

– Шестьсот шестьдесят шестой адский легион, – подтвердил Варфоломей.

– А меня вот сразу на Землю, – поделился Амадей. – Так что я, считай, жизни в Аду и не знаю. А после легиона чем... м-м-м... занимался? Семен, а поставь-ка нам, пока едем, моего тезку.

Салон наполнился совершенно божественной музыкой. Легкой, летящей и чистой, как сама радость.

– Моцарт, – поделился Амадей с благоговейным вздохом. – Дьявольски талантлив был. Даром что человек.

– В бюро работал по урегулированию проблемных ситуаций и жалоб.

Черт удивленно присвистнул.

– Ого!

И надо сказать, тут было чему удивиться. Работа у Варфоломея была тяжелой. С ночи до утра он разбирал всевозможные жалобы и конфликтные ситуации. Специалист по связям с чертовой общественностью, если так можно выразиться. Проблем в Аду хватало с избытком. Обязательно кто-то был чем-то недоволен или чего-то требовал. То лава на дорогах застыла не так, как нужно, то поднимался вечный вопрос «почему черти не летают»... Подавались бесконечные требования о выделении чертям крыльев. А иногда становилось действительно жарко, когда требовали разрешить браки с... О, в этом вопросе слишком много вариантов, чтобы их все перечислить.

Глава 3

Софийка сидела на кухне Евы, и ее глаза озорно сверкали. В бокалах бежали пузырьки шампанского. Подруга едва не захлебывалась от восторга.

– Давай, открывай!

Ева медлила, водила пальцем по гладкой блестящей бумаге. Подвох был. Совершенно точно. Она видела это по улыбке подруги. Откуда она там вернулась? Ева напрягла память. Софийка была путешественницей по жизни и постоянно куда-то ездила.

– Ну же!

Григорий жадно смотрел на ленточку на коробке. Она была ему нужна.

Ева открыла.

– Это что? Это член? Резиновый?

Софийка залилась веселым смехом.

– Да!

– Хм...

Ева извлекла внушительную резиновую штуквину.

Григорий завладел вожаделенной ленточкой и утащил ее в зубах.

– Из Амстердама. А что я еще могла привести лучшей подруженции?

– Что угодно... Тюльпаны? – спросила Ева, вертя в руках игрушку.

– Он на батарейках, там в комплекте. Ну как?

– Э-э-э... – Ева пока не разделяла восторга. – Я, конечно, все понимаю, намек на... мою личную жизнь. Но почему он зеленый?

– А что, приятный цвет. Ну, знаешь... нефритовый стержень и все такое.

– Выглядит каким-то нездоровым. Зеленый... Ну сама представь? И ты уверена, что эту штуку можно использовать... ну, на живом человеке? Размер и хм...

толщина. Как это засунуть? Это больше на джедайский меч похоже.

– Прикинь, был такой с подсветкой.

– Интересно, что там освещать?

Подруги засмеялись и выпили шампанского. Щеки Евы пылали. Она перехватила резиновое изделие как меч и наставила его на подругу:

– Люк! Я твой отец!

Это вызвало очередной приступ веселья. А потом Софийка возмутилась:

– Вот! И как ты можешь начать отношения, если у тебя такие запросы? Не знаю, прояви воображение! Нормальный защитный цвет. Может, это военный... такой brutальный.

– Софийка, не продолжай!

София отпила шампанского и елеиным голосом поинтересовалась:

– А ты случайно не собираешься завести себе еще парочку котов?

– Нет! – Ева отложила резиновое чудовище в сторону. – Григорий будет единственным котом в семье.

– Ну смотри.

Уже значительно позже, когда подруга уехала, Ева все-таки вставила в резиновый зеленый член батарейки. Он завибрировал. Григорий примчался с кухни и удивленно уставился на работающий агрегат.

– Видишь, какой подарочек от лучшей подруги?

Ева бросила игрушку на покрывало.

Григорий запрыгнул на кровать и... принялся тереться башкой. Вибрация ему нравилась, а резина была приятной. Так что с этого дня Григорий полюбил спать, устроив голову на подарке Софийки. Приходил в восторг, когда Ева включала разные режимы. И всегда недоуменно смотрел на Еву, когда она прерывала его сон бешеным хохотом.

* * *

Черти покинули Москву, потолкались в пробке на МКАДе и въехали на территорию элитного коттеджного поселка «Соколиные озера» (кто придумал такое такое название?). Машина плавно затормозила у подъезда внушительного особняка с большими окнами.

Амадей выпрыгнул на улицу, как черт из табакерки.

– Проходи, Варфоломей. Ты, наверное, есть хочешь. И надо тебя приодеть. А то здесь вот так не принято. Да и я очеловечился... Отвык, так сказать. Ща сообразим.

Он улыбнулся и ринулся в дом.

Варфоломей, тихонечко ругаясь, двинулся следом. Пятки никак не желали адаптироваться. Из холла доносилось громкое пение Амадея, отчего хрусталики на громоздкой люстре позвякивали.

– Не стой на пороге! Двигай сюда!

На полу лежал гладкий как шелк итальянский мрамор, так что после асфальта ступать по нему было блаженством.

Амадей появился с халатом малахитового цвета.

– Вот, пока накинь. А то сейчас...

Договорить он не успел. Варфоломей не оделся, так и стоял с халатом в руке.

– Мне подать ужин в столовую на вас и... гостя? – спросила статная эффектная женщина.

Ее волосы были так гладко зачесаны и так густо политы лаком, что голова выглядела, словно у деревянной марионетки. Двигалась дама совершенно бесшумно. Вполне возможно, просто материализовалась в гостиной, а не спустилась по лестнице.

– А вот нельзя без комментариев обойтись?! – возмутился Амадей.

В глазах его вспыхнул и тут же погас адский огонь.

Уголок рта женщины дернулся, но улыбка так и не появилась.

– Не понимаю, что вас не устраивает, Амадей Веленович, – твердо сказала она, остро блеснув голубыми глазами. – Я только выполняю свои обязанности.

– Тогда, – сладко сказал безрогий, – уберите мнение со своего лица, Вера Сергеевна.

Варфоломей чувствовал, что диалог между этими двумя гораздо глубже, чем может показаться. Он надел малахитовый халат, завязал пояс и внимательно посмотрел на Веру Сергеевну. Она была из той породы людей, чье молчание говорит громче, чем некоторые кричат.

– Ах, выражение моего лица не устраивает! – вспыхнула женщина. – А пошел ты в жопу, Амадейка!

Она сорвала фартук, подошла поближе и швырнула его черту в лицо.

– Еще всякие черти безрогие будут мне указывать! Выражение... Я тебе дам выражение... скотина немытая.

Для Варфоломея эта вспышка гнева стала полнейшей неожиданностью. Он не знал куда деваться. Скандалы черт профессионально ненавидел. Только прибыл в новый мир – и сразу же почувствовал себя как на работе! Он даже отвернулся. Свара набирала обороты, а взгляд Варфоломея блуждал по обстановке в

попытках зацепиться за что-то, достойное внимания, пока не натолкнулся на блестящую черную поверхность шкафа, в котором поймал свое отражение.

– Ну и убирайся отсюда. Видеть тебя не могу, старая ведьма! Всю кровь мне попортила. Давно надо было тебя выставить.

– Ах, кровь... Да я уйду немедленно! Не дом, а вертеп! Черт знает что здесь творится...

Варфоломей перестал слушать. Он схватился за лицо и завороченно двинулся к шкафу. В пылу ссоры Амадей и Вера Сергеевна не обратили на него никакого внимания, а Варфоломей оперся ладонями на отполированную поверхность и рассматривал собственное лицо.

– Что это? Что? – тихо повторял он. – Как?

Он схватился за нос. По человеческим меркам нос был совершенно нормальным: ровным, в меру длинным, с двумя ноздрями. Но чертям нос не положен! Да! Еще бесследно исчез пушок, который окружал рыльце! Конечно, возникает вопрос, как он мог сразу не заметить отсутствия рыла, но черта настолько поразили исчезновение копыт и неприятные ощущения в пятках, что большего подвоха от этого мира Варфоломей просто не ожидал.

Метнувшись к Амадею, уставился в его лицо. Рыло как рыло! Как положено, со складочками! Этот факт настолько шокировал Варфоломея, что он только открывал и закрывал рот, не в силах выдать ни слова.

Амадей смотрел на Варфоломея с плохо скрываемой жалостью.

– Это... Это...

– Не надо волноваться. Ты чего это вдруг? – спросил Амадей.

– Н-н-н...

– Вера Сергеевна, голубушка, да принесите же ему попить. У него же, любезного, сейчас удар приключится!

Черт, казалось, напрочь забыл о распре и заговорил так, словно находился в веке девятнадцатом. Это с ним случалось, когда он волновался: путал времена.

Вера Сергеевна бегом рванулась из комнаты.

– Варфоломей, ты скажи? – ласково продолжил Амадей. – Ты ж неплохо держался! И машина тебя не напугала, и Москва в ужас не привела. Ну, шкаф, правда, э-э-э... не лучшая моя покупка и на гроб похож, но в Аду еще не такую уродливую мебель можно встретить.

Варфоломей схватился за нос.

– А! – Амадей хлопнул себя по лбу. – Тебе же не сказали ничего!

Вера Сергеевна вернулась со стаканом и маленьким пузырьком. Комнату наполнил успокаивающий дух валерьянки.

Варфоломей машинально выпил и закашлялся. В стакане содержался чистейший медицинский спирт. Но для чертей это – как минеральная вода. Чтобы опьянеть, нужно нечто посильнее.

Амадей уселся на диван, закинув ногу на ногу.

– Полегче? Отпустило? Садись.

Он похлопал ладонью рядом с собой.

На негнущихся ногах Варфоломей подошел и почти рухнул на сиденье, откинулся на подушки.

– Рассказываю, – произнес Амадей. – А вы, Вера Сергеевна, пока что-нибудь нам поесть сообразите. Уф...

Черт глубоко вздохнул и проникновенно, хотя и с некоторой долей пафоса, начал:

– Варфоломей, тебя здорово накололи, обули, обмишурили, даже, я бы сказал глубже, обжулили... Ты думал, что переход в другой мир – это так... игра? Ан нет. Мир очень консервативен, у него есть любимые формы, которые он принимает. Так что ты еще легко отделался. И нос у тебя ничего такой... – Он критично осмотрел Варфоломея. – Я бы сказал: профиль греческий. Благородный.

Варфоломей мотнул головой.

Амадей продолжил:

– Короче, миров великое множество. И только представь, какая была бы петрушка, если бы кто ни попадя шнырял из одного мира в другой? Такие катастрофы бы начались!

Черт замолчал, уперся кулаком в лоб и задумался. Варфоломей не торопил, он просто старался ровно дышать. Амадей отмер и продолжил как ни в чем не бывало:

– Поэтому каждый мир себя защищает и не пропускает, так сказать, чуждые формы жизни. Ну, те, которые отличаются от живущих в нем. Хорошо, что слиамы только в одном мире обитают. Это такие черви с большими... А, неважно.

– Формы жизни? – тупо переспросил Варфоломей.

– Ага... Ты себе сито представляешь? Ну, или фильтр? Когда происходит переход из одного мира в другой, мы как бы проходим через фильтр. И если ты не соответствуешь, тебя сомнет мироздание. Некоторые прибывают сюда в виде разрозненного набора атомов и частичек. Думаешь, откуда берется пыль? В том числе это остатки некоторых неудачников, которые сюда лезут. Особо опасных монстров, конечно, зарубает сразу. Зато человекоподобным демонам везет: ходят без всякого напряжения и дискомфорта. К счастью, – черт назидательно поднял палец, – мы – существа пластичные.

– Это в каком смысле?

– А пролезем... везде... как тут говорят, «без вазелина». Если прижмет, то и через игольное ушко пройдем. Но тут есть, брат мой черт, одна оказия... – Амадей снова едва не вернулся в прошлое. – Мы когда из Ада сюда, на Землю, лезем, ох, и мнет же нас! И всячески корежит. Вот тебе повезло!

Варфоломей кисло усмехнулся.

– Нет, я на полном серьезе говорю. Мог, например, один рог остаться. Или хвост оторвало бы. А если совсем плохо, то могла тебя эта бездушная реальность располовинить. Или нашли бы тебя кусками: рожки и копытца отдельно, а...

– Я понял, – оборвал его Варфоломей.

– А так ты очень даже ничего. По меркам людей, конечно. Рога отпилить, хвост отрезать, – и вообще был бы...

Под тяжелым взглядом Варфоломея Амадей осекся и благоразумно не стал развивать тему.

– Ну ладно. С этим разобрались. – Рыльце его задвигалось, улавливая аппетитные запахи, которые шли с кухни. – Пойдем, отобедаем-с, чем Вера Сергеевна послала.

* * *

Еве нравилась квартира, нравился район. Дом был неплохой: соседи в целом приятные. Под «приятностью» Ева понимала тот факт, что была с ними не знакома. Все общение сводилось к вежливому кивку в лифте или комфортному игнорированию ко всеобщему удовольствию. Из всего подъезда по именам она помнила только двоих. Высшее проявление московского добрососедства, при котором никто никого не знает и по возможности не замечает.

Как это часто бывает, имелось и одно НО. Два раза в месяц обязательно случались нехорошие дни в нехорошей квартире наверху.

Ева налила в любимую кружку чай и прислушалась. Вот так всегда и начинается. С предчувствия, которое отзывается легким покалыванием за ушами, давлением

на виски, и со странной тишины. Соседей не слышно. Совсем. Все как будто замирает.

Распахнув окно, Ева впустила вечернюю прохладу. Даже шум от шоссе стал приглушенным. Воздух сгустился. Она посмотрела вдаль. Так и есть: воздух словно уплотнился и сделал очертания дальних домов мягче. Ева с раздражением взглянула на потолок. И причины для этого были.

Все дело в том, что сосед сверху два раза в месяц устраивал что-то невообразимое. Все проходило по одному и тому же установленному сценарию. Без пяти минут полночь раздавался топот, так, словно не ноги у человека, а копыта. Потом – стоны и неистовый скрип кровати. Затем спинка кровати начинала биться об стену, а все четыре ножки подпрыгивали и с грохотом ударялись об пол.

Ева задавалась вопросом, а действительно ли это секс. Судя по звукам, полтора часа в таком темпе просто превосходили человеческие возможности. Дальше начинался безобразный скандал. Что-то билось. Выло. Звучали неразборчивые проклятия. Мат, и довольно отчетливый.

Тут подключались другие жильцы. Они начинали стучать по батареям. Хлопали двери, раздавались приглушенные угрозы о вызове полиции. За эту часть спектакля отвечала Алена Игоревна из шестьдесят седьмой квартиры, заслуженная активистка всяя подъезда, которая знала все и про всех.

А потом сосед сверху переходил к кульминации и хватался за перфоратор. Судя по звукам, он просто сверлил стену в хаотичном порядке. Происходило это около двух часов ночи. После чего, само собой, приезжала полиция.

Того, кто жил в верхней квартире, Ева ни разу не видела. Со слов Алены Игоревны было известно, что это «молодой человек, который занимается черт знает чем». Также было известно, что «квартира не его, а съемная. Куда только хозяева смотрят». Как ни странно, даже Алена Игоревна не знала, кто эти самые хозяева.

А между тем ночь набирала обороты. Ко всеобщей радости пятого подъезда перфоратора сегодня не случилось. Зато кровать скрипела и стонала до трех часов утра, что было абсолютным рекордом. Не удивительно, что после такой

нагрузки скандал получился вялым и неэмоциональным. Без огонька. Да и другие соседи били в батарею не так яростно. Полицию тоже никто не вызвал. Спать было невозможно все равно, но Ева использовала время с пользой. Она рисовала паттерны для ткани.

Одна подруга собралась запустить линию одежды и хотела начать с толстовок и модных свитшотов с веселыми узорами, дав Еве полную и оттого парализующую свободу. Просьба звучала весьма туманно: «Ну... что-нибудь красивое, как ты умеешь».

Ева подождала несколько мгновений, испытывая трепет перед чистым листом, а потом «отпустила» руку с кистью в путешествие по белоснежному полю. Линии и пятна складывались в образы. Вода растекалась именно так, как нужно. Достаточно спонтанно, чтобы подарить рисунку легкость, но при этом достаточно четко, чтобы не нарушить гармонию и не превратить все в хаос. Ева взяла следующий лист, а потом еще один и еще...

Наконец она остановилась. Разложила результат своего ночного труда.

– Хм...

Григорий, которого никогда не смущал никакой шум, сонно приоткрыл глаза и тут же снова задремал.

Ева собрала листы в стопку и сунула их в ящик стола.

– Безумная ночь, – вынесла она безапелляционный вердикт.

На одном рисунке было мороженое. Казалось, ничего особенного. Что в этом безумного? Но, видно, атмосфера и стоны сверху оказали влияние. Это было соблазнительное, вызывающее, «распущенное» и невероятно эротичное мороженое, которое даже слегка оплавилось от собственного желания.

А розы? Это были не нежные цветы, а опытные хищные соблазнительницы. Их лепестки откровенно намекали на запретные удовольствия. Пончик? В обычном состоянии Ева никогда бы не нарисовала настолько развратный пончик.

Все рисунки содержали мощную сексуальную энергию. До этого у Евы никогда не получалось такого эффекта. Более того, у нее возникло нехорошее ощущение, словно в ее творческий процесс кто-то вмешался. Эти иллюстрации были не ее. То есть, конечно, она их нарисовала, но за образами будто стоял кто-то другой.

Ева легла, и остаток ночи ей снились тревожные, мутные сны.

Встала в полдень совершенно разбитой, долго прособиралась, и в три часа поехала в студию на встречу с режиссером. Недавно с ней связался знакомый продюсер и предложил поучаствовать в создании мультфильма. Раньше Ева этим не занималась, но предложение показалось интересным. Поэтому сейчас, когда она чувствовала, что опаздывает, сильно волновалась. Как оказалось – напрасно.

Ева прождала режиссера часа два, несколько раз звонила на мобильный, но слышала только: «Абонент не отвечает или находится вне сети». Она уже собиралась уходить, когда к ней подлетел тонкий нервный мужчина в больших очках с затемненными стеклами.

– Вы Ева? Я Арсений. Извините, что заставил ждать. Ну, вы понимаете... – он взмахнул рукой.

Ева не понимала. Сама она была человеком крайне организованным и прекрасно знала цену времени. Слишком выраженная «театральность» режиссера настораживала.

* * *

Варфоломей открыл глаза и не сразу понял, где находится. Он лежал на широченной кровати под одеялом и пялился в потолок, с которого на него смотрели нарисованные пухлые чертята. Они улыбались, демонстрируя клычки, и направляли на Варфоломея маленькие луки со стрелами. Черт вспомнил, что находится «в гостях» у Амадея. И вообще он больше не в Аду.

В комнату вплыла Вера Сергеевна с подносом.

– Проснулись? Вот и отлично, – проворковала она. – Амадейка по делам унесся, но вернется скоро. Завтрак.

Варфоломей был удивлен. Вчера за ужином Амадей и Вера Сергеевна снова сцепились не на шутку. Поводом послужила картошка...

Вера Сергеевна поставила поднос рядом с Варфоломеем, а сама опустилась на краешек кровати.

– Хотите, с вами поругаемся? – предложила женщина и покраснела.

Варфоломей тряхнул рогами и почему-то шепотом спросил:

– Зачем?

– Ну, не знаю, – пожала плечами Вера Сергеевна. – У чертей так принято. Мы с Амадейкой постоянно ругаемся. Он мне сам говорит: «С вами, Вера, я как в Аду».

Варфоломей задумался:

– Наверное, не стоит.

Он был очень удивлен. В Аду, конечно, ругались. Проживающий там народ горяч. Но не сказать, что это было принято.

Вера кивнула:

– Вы берите, берите булочку. Я с утра пекла. Чай свеженький заварила. Варенье малиновое тоже свое. У вас такого не водится.

Черт впился в булочку зубами и запил чаем из тонкой фарфоровой чашки. Радостно звякнуло блюдце.

– И много здесь чертей? – поинтересовался он.

– Вы второй за двести лет, кого я вижу, – радостно поделилась Вера Сергеевна. – До чего ж у вас рожки хорошие! Прелесть просто. У Амадейки-то рогов нет.

Она смотрела на Варфоломея с нежностью.

Комплимент рогам был черту приятен.

– Я с ним давно уже. Молодая была, глупая, чуть в омуте не утонула... А места те нехорошими считались. Упала в воду, а черт как раз из портала вышел. Стоит голый, и...

Историю знакомства Варфоломей узнать не успел, хотя она показалась весьма интригующей. В комнату влетел Амадей, шурша большими пакетами.

– Лучший допинг поутру – это шопинг, – бодро заявил он. – Одежды тебе прикупил. Думаю, с размером угадал. Вера Сергеевна, нам поговорить, вы идите, идите. Ну, что вы на него смотрите, как будто черта не видели ни разу?

Вера Сергеевна бросила на Амадея гневный взгляд, но тот покачал головой, и она молча вышла из спальни.

– Ты, Варфоломей, меня извини, я вчера так разнервничался! Даже не поговорили по-нормальному. Но сегодня я тебя введу в курс дела.

Варфоломей кивнул, подобрался и приготовился слушать.

– Значит, жить пока будешь в Москве, есть у меня одна квартирка. Небольшая, правда. Однушка. Но район неплохой. Смартфоном, Интернетом пользоваться тебя научу. Это ты быстро освоишь. Рога твои и хвост придется замаскировать, тут без магии не обойтись. Денег дам на первое время... Но работать будешь сам.

Амадей лукавил, квартир у него было несколько, и он получал весьма и весьма неплохой доход от их сдачи. А еще у него имелось несколько пекарен, три автосервиса, ювелирный магазин... ну, и другие делишки. Амадей был чертом азартным, поэтому время от времени с удовольствием играл на бирже, заручившись поддержкой всяких темных сил.

– Что надо делать? – поинтересовался Варфоломей.

Амадей моргнул:

– Что хочешь. На что фантазии хватит. Я не знаю...

– Как это? – Варфоломей был в шоке. – Меня же сюда с какой-то целью отправили? Что значит – что хочешь?

Амадей потер подбородок.

– Вот... Понимаешь, грустная правда в том, что в этом мире черти особенно-то и не нужны...

– В смысле?

– В прямом. Вот ты сюда зачем приехал?

Варфоломей не смог назвать истинную причину. Не хотелось говорить, что он уехал подальше от Кайли и своей старой жизни. Он думал найти новый смысл.

– Молчишь... Вот что я тебе скажу. Единственный смысл жизни – в самой жизни, – изрек Амадей с видом заправского философа, – так что живи и радуйся. Только одно омрачает наш земной путь...

– Что? – машинально спросил Варфоломей.

– Не трахай местных баб! Можно демониц найти, конечно, для этого дела. Но местных – ни-ни.

– Да я как-то не собирался... – При упоминании демониц Варфоломей невольно покраснел и решительно рявкнул: – Никаких демонесс!

– Демонесс и демониц как раз можно, – сказал Амадей, – а вот местных – ни в коем случае.

– Все они демоницы. Никаких баб! – обобщил Варфоломей.

– Э-э-э-эм, ладно. Кстати, мужиков тоже, – нахмурился Амадей. Он думал о чем-то своем.

– Да при чем здесь... – Варфоломей не хотел вмешательства в свою личную жизнь. – Миссия-то моя какова?

– Ты меня спрашиваешь? Да я уже не помню, когда в последний раз из Ада задание получал. Типа ждем и наблюдаем. Не знаю, насколько ты в курсе истории. В общем, крылатые хотели здесь свою базу построить, чтобы контролировать переходы из разных миров. Наши, естественно, собирались им помешать. Ну ты понял, было это до перемирия. Древнее дело.

Варфоломей никогда особенно не интересовался историей. Он знал о существовании других миров, знал, что чертей можно встретить в семи пространствах. О Земле всегда поступали скудные сведения.

– Так зачем меня сюда забросили-то?

– Да лет пятьсот назад здесь черти требовались. Тогда запрос отправляли... А сейчас и те, кто был, разбежались.

Амадей поднялся и гневно сверкнул глазами:

– Ты знаешь, люди считают, что наша цель – завладеть их душами и отправить в Ад. Только представь, какая там чертовня началась бы! Их же несколько миллиардов! Человек умирает, его тело остается здесь, а душа отправляется к нам. Это по мнению некоторых. По их же представлениям, каждый первый – наш клиент. И еще момент, который мне покоя не дает. Если на секунду представить, что мы эти души вечно пытаем, возникает вопрос: что там испытывает страдания? А? Если все нервные окончания – здесь. И как можно содрать кожу или варить в смоле бестелесный дух? Я тебя спрашиваю? И где взять столько чертей, чтобы за всем этим следили? Никаких своих дел не осталось бы!

У Варфоломея не было ответа на эти вопросы. Но он видел, что тема очень волнует Амадея. В уголках его рта пузырилась слюна.

– А ты в курсе, сколько всего представлений об Аде? Некоторые считают, что Ад состоит из каких-то кругов. Другие думают, что там жарко. Но тут же находятся те, кто считает, что там жутко холодно. А самое главное, люди уверены, что мы обязаны обеспечить всем места в Аду на основании их представлений! Прикинь, заявочка? Люди вообще уверены, что они – центр мироздания и им все поголовно должны.

Варфоломей слушал внимательно. Его удивило, что о родине ходят такие странные легенды.

– Но больше всего меня бесит другое! Они считают, что черти – это вредоносные твари, которые только и делают, что зло творят.

Неожиданно Амадей выскочил из комнаты.

Варфоломей заглянул в пакеты, достал джинсы и с сомнением принялся их рассматривать. Затем извлек рубашки, футболки, несколько пар носков и трусы. В другом пакете обнаружилась коробка с замшевыми ботинками. Непрактично для московской изменчивой погоды, но зато красиво.

Амадей вернулся с планшетом:

– Вот, слушай! Так-так-так... Новости, значит. Ага! Вот оно! Трое молодых людей из ЮАР пытались вступить в интимную связь с самкой крокодила, чтобы избавиться от импотенции, и были разорваны ее сородичами. Ты думаешь, это какому-то черту в голову пришла такая идея? Нет. Все сами. Вот у меня тут подборочка сохранена, ознакомься...

Варфоломей взял планшет и принялся листать различные сводки криминальных новостей, исторические факты о войнах, статьи о маньяках всяких мастей. У Амадея все было свалено в кучу: глобальные события и совершенно незначительные, даже мелкие. Попадались фотографии.

Через пятнадцать минут просмотра у Варфоломея зашевелилась шерсть на всем теле.

– Скажу тебе честно, чтобы это все устроить, помощь чертей им не требуется. Люди зло сами творят прекрасно, как и добро, – заявил черт. – Но, как говорится, черт с ними, с людьми. Тебе нужно привыкнуть к одежде.

Глава 4

Персонажи рождались в адских муках. Режиссер менял замыслы и искал... Его глаза, серые, словно мокрая морская галька, но на самом деле холодные и пустые, смотрели с недовольством на весь белый свет. Странно, что шея не собралась гармошкой, так часто он мотал головой: «нет-нет».

Ева нарисовала девяносто семь вариантов кроликов.

«Глазки такие, ах нет, чуть более раскосые».

«Больше драмы во взгляде».

Вы когда-нибудь подбирали оптимальный угол наклона кроличьих ушей? А Еве пришлось. Она уже сама чувствовала себя немного крольчихой: произвести на свет столько ушастых. Кролики начали являться к ней во снах и зло смотрели знакомыми серыми, словно морская галька, глазками.

Арсений некрасиво орал матом и устраивал истерики. Раньше, по наивности своей, Ева считала, что создание персонажей для мультфильмов – довольно приятное и веселое занятие, но Арсений выдавливал любую радость, выкручивал творческие порывы и вгонял в тоску бесчисленными комментариями и придирками.

– Как можно быть такими недоумками? Я же ясно выразился... Нет, с вами невозможно работать, мне нужно выпить бокал вина...

Он смахнул на пол Евины эскизы и торопливо покинул студию, хлопнув дверью. Графики и волшебники, отвечающие за анимацию, тоже получившие сегодня за «бездарность», в молчании разбредались кто куда. «Бокал вина» обычно растягивался часа на два-три.

Ева разозлилась, внутри все кипело. Арсений так быстро унесся, что она не успела высказать все, что о нем думает. А сказать хотелось многое. Тем более что за две недели совместной работы...

Ева бросилась вдогонку. Сейчас она ему покажет! Хотелось настигнуть наглеца и надавать ему... по режиссерской гордости. В тот момент ей было плевать на последствия. Еще немного – и из глаз посыпались бы искры.

Она почти бегом добралась до небольшого бара напротив студии. Именно там Арсений предпочитал лечить расшатанные нервы. Правда, когда Ева толкнула стеклянные двери и обвела горящим взором уютный зальчик, ее ждало разочарование: режиссера не было. Ева несколько раз глубоко вздохнула и уселась за стойку, твердо решив, что кроликов на сегодня хватит и в студию она не вернется.

– Бокал белого вина, пожалуйста, – голос слегка вибрировал от ярости, которая так и не нашла выхода.

Бармен кивнул и красивым отточенным движением налил бледно-золотое вино. Ева поудобнее устроилась на высоком табурете и постаралась обрести контроль над собственными эмоциями.

Говорят, чтобы избавиться от гнева, обиды или злости, нужно представить их в виде гнилой луковицы. Такой склизкой, вонючей луковицы... Ева прикрыла глаза. Образ получился ярким. Если обида – или луковица – останется при тебе, ты продолжаешь ее таскать, а она воняет и портит твою сумку или карман.

Ева представила свою чудесную сумку из мягкой кожи цвета топленого молока, с удобными кармашками и подкладкой благородного бирюзового цвета. Мысленно она швырнула луковицу прямо в лицо Арсению. Да пошел он со своими кроликами! С нее хватит. От этого решения стало легко. Ну, не заплатят за работу. Бывает! Переживет. А пока – никаких мультипликаторов.

Она пригубила белого вина.

– Простите, Ева?

На соседний табурет опустился высокий темноволосый мужчина в легком плаще нараспашку.

– Да.

Ева машинально улыбнулась и повертела бокал в руках.

– Вячеслав Поплавский, сценарист, писатель, литератор и немного актер, – он продемонстрировал в улыбке тридцать три крупных белых зуба. – Я видел ваших кроликов, ужасно хотел с вами познакомиться... Могу я вас угостить?

Ева колебалась секунду.

– Почему бы и нет!

Вячеслав Поплавский, сценарист, писатель, литератор и немного актер, производил весьма приятное первое впечатление. Они выпили еще по бокалу вина, поговорили о разной, ничего не значащей чепухе, нашли нескольких общих дальних знакомых, и Вячеслав вызвался проводить Еву до метро.

Через несколько минут после того, как они расстались, она получила уведомление на «Фейсбук» о том, что Вячеслав Поплавский «хочет добавить вас в друзья». Ева приняла его предложение, и в мессенджер тут же пришло сообщение:

«Приятно познакомиться с Вами, Ева. Давайте как-нибудь встретимся?»

«Спасибо за компанию, Вячеслав. Мне тоже было приятно», – быстро напечатала Ева.

Потом ей прилетел смайлик с улыбочкой.

* * *

У Евы было свидание. Вячеслав пригласил ее на кофе. Всю неделю он слал милые сообщения и свои фотографии. Нет-нет, ничего неприличного. Вполне

обычные фотографии. Но это было довольно странно. Вот спрашивает «Как дела?» и через секунду присылает фото. Например, висит на турнике, или кормит уток в парке, или просто стоит на улице и смотрит вдаль.

Ева не посылала своих фотографий в ответ.

Еще Вячеслав очень быстро печатал. Некоторые сообщения напоминали простыни и были длиннющими. В них он излагал свои взгляды на жизнь, а иногда писал, какая Ева замечательная, умная и талантливая.

Это она тоже считала довольно странным, поскольку, не обладая скоростью печати Вячеслава, отвечала не очень развернуто. На его фоне ответы в одно-два предложения выглядели даже скупой, поэтому как он умудрился сделать такие далеко идущие выводы, оставалось загадкой. Но кому же неприятно, когда делают комплименты?

Так что когда Вячеслав предложил встретиться, Ева согласилась, хотя и решила не загадывать. И еще очень хотелось отношений.

Вячеслав не опоздал, ждал в условленном месте. Прохаживался рядом с Пушкиным с элегантною белой розой в руках. Плащ снова распахнут, на шее свободным кольцом повязан легкий шарф.

Заметив Еву, он подошел и снова широко улыбнулся. Она не успела опомниться, как он поцеловал ее в щеку и подхватил под руку, увлекая гулять по улицам Москвы.

Они пошли в сторону Столешникова.

– Какой прекрасный день...

В общем-то, нормальное начало разговора.

Ева открыла рот, чтобы подтвердить, что «да, действительно, погода чудесная», но Вячеслав не дал ей этого шанса. Он продолжил говорить и не останавливался до того момента, как они расстались.

Для начала он сообщил, что его фамилия – Поплавский – польская.

«Ну мало ли, – подумала Ева, – человек гордится своими корнями, это очень даже хорошо».

Потом он склонил голову и тряхнул волосами.

– Знаете, Ева, я давно не пишу...

Тут Ева поняла, что от нее требуется задать вопрос.

– А почему?

– Понимаете, я не похож на других. Слишком отличаюсь. Я говорю это вам, Ева, потому что вы, как мне кажется, способны меня услышать и понять.

«Вот блин!» – подумала Ева.

Дальше начался подробный рассказ о трудностях Вячеслава, о том, что издатели хотят убить высокую, большую литературу, поэтому не рассматривают его рукописи, о том, что продюсеры хотят наживы, поэтому не рассматривают его гениальные синопсисы к фильмам... Потом последовала тирада, что общество свалилось в дикое потребление. Поплавский плавно перешел на то, что на работе его начальник только и занят тем, что чинит ему препятствия, завидует очевидному успеху. Плавно выяснилось, что он работает официантом.

Вячеслав распалялся все больше и больше. От неумного хвастовства он скатывался в душевные терзания, которые описывал с таким же наслаждением, с каким заправский ипохондрик жалуется на свои болезни.

Ева невольно вспомнила Дениса. Тот как раз был ипохондриком. С ним она выдержала месяц...

Вячеслав перемежал рассказ цитатами из пабликов «ВКонтакте» для тех, кто хочет выглядеть интеллектуалом. Ко всему прочему он разбирался в джазе, а это уже служило тревожным звоночком. Не то чтобы сам джаз являлся большой проблемой, но... тем не менее. Как говорится, «осадочек остался».

Ева глубоко вздохнула. Она пыталась поддержать разговор, но потом сдалась и перестала: собеседнику это не требовалось. Он любовался собой, распушив хвост, как павлин.

– Знаете, Ева, я сразу понял: вы удивительно умная и чуткая. Я ценю в женщинах проявление ума.

Ева подавила желание закатить глаза. «Проявление ума»... Видно, по мнению Вячеслава, оно выражалось в молчании.

Вячеслав продолжил:

– Вы знаете, я эмпат. И мне не составляет никакого труда нравиться женщинам. В каком-то смысле я воплощение женской мечты...

Он скривил губы и горько усмехнулся. Вид был такой, словно он несет на своих плечах все бремя женских «мечт».

Признание оказалось в равной мере абсурдным и неожиданным. Ева начала злиться, подозревая, что Андрей с перекосом на джаз был совсем неплох.

– Я считаю, что женщина должна быть мягкой, интересной. Ее должно хотеться прижать к себе и накормить завтраком, вдыхать запах рассвета с ее волос...

Ева не знала, как пахнет рассвет на волосах. Зато мысль, что Вячеслав будет ее прижимать и нюхать, вызвала отвращение. Еще с полчаса она продолжала слушать, какими качествами должна обладать женщина.

Список получался внушительным, и с некоторым облегчением Ева поняла, что здорово недотягивает до идеала. Она попыталась найти паузу в бесконечном потоке, чтобы вежливо проинформировать оратора о своем уходе, хотя вариант «резко развернуться и убежать» уже казался ей идеальным.

Вячеслав втянул ее в одну из маленьких уютных кофеен, где не преминул продемонстрировать, что разбирается в сортах кофе. Стало казаться, что он еще и чревоутомятель, потому что ни горячий напиток, ни пирожное не прерывали словесный поток ни на секунду.

Неожиданно для себя Ева развеселилась.

– Вы, сказали, что вы эмпат. Так, может, угадаете, чего я сейчас хочу?

Она улыбалась, а сама думала: «Помолчи хоть пять минут, а потом мы с тобой распрощаемся...»

Он нахмурил лоб, пристально посмотрел на Еву, взял ее за руку, и...

– Я прочту вам свои стихи...

И начал душить своими стихами, как ласка душит курицу.

Ева не считала себя знатоком поэзии. Она любила Бродского, Евтушенко, некоторых поэтов Серебряного века, но ей вполне хватало читательского опыта, чтобы понять, где стихи, а где не очень. Вячеслав был увлеченным стихоплетом. Он уже успел прочесть пять штук виршей.

У Евы начала болеть голова. Она принялась рыться в сумке в поисках кошелька.

– Извините, Вячеслав, но мне пора, – твердо сказала она. – Мне надо... просто мне надо...

Со свидания Ева убегала стремительной рысцой, чуть не подпрыгивая от радости.

* * *

Водитель Семен остановил машину. Мелкий дождик превратился в самый настоящий ливень. Варфоломей с Амадеем вышли, торопливо забрали вещи из багажника и поспешили в подъезд. Погода была самая гнусная.

Они молча поднялись на лифте на пятый этаж, так же молча вошли в квартиру. На взгляд Варфоломея это была маленькая коробочка. На стенах радовали глаз обои в веселенький цветочек.

– Так... Как подключиться к вай-фай, я тебе объяснил, – деловито начал Амадей. – Мебель выбери сам. Ну там, в «ИКЕА» съезди... Это интересно. Тут можешь делать что хочешь. У меня в этом доме еще одна квартира есть, но ее демоны снимают. Представляешь, платят за весь месяц, а появляются только на два дня. Но такое творят! После них придется серьезный ремонт делать. Даже подоконники сломали. Грызут, что ли? И не выгонишь их так просто... Ну да ладно.

Амадей на секунду задумался.

Варфоломей выглянул в окно. Двор был как две капли воды похож на тот, в котором он впервые появился в этом мире.

– Соседи тут приличные. Относительно. – Амадей расхваливал жилплощадь, как заправский агент по недвижимости. – Платить за воду, свет и газ удобнее через приложение и интернет-банк. Но это мы с тобой тоже обсуждали. Так... Планшетом и смартфоном ты уже пользуешься на уровне.

Неожиданно Амадей обнял Варфоломея:

– Если что, брат-черт, ты заезжай или звони. Самовар поставим. Вера плюшек напечет. На «Фейсбуке» и во «ВКонтакте» профиль заведешь – меня в друзья добавь обязательно. Ну, я побежал.

– Больше никаких инструкций не будет?

Варфоломей испытал странную внутреннюю дрожь.

Амадей замялся.

– Ну... – промямлил он, – живи. Делать можно все, что делают люди.

Он вложил в руку Варфоломею ключи и ретировался. Хлопнула входная дверь. Наступила гулкая тишина.

Варфоломей не мог поверить в происходящее. Он прибыл в новый мир, и теперь полностью предоставлен самому себе. Его никто не контролировал. Никто не

говорил, что делать... Сначала он растерялся, даже разозлился. Потом почувствовал страх и пустоту.

Но затем черт стиснул зубы и... решил попробовать выполнить инструкции Амадея: просто пожить. Отдохнуть. В Аду ходила масса шуток о том, как провести отпуск в Раю. Так вот, чем этот новый мир – не Рай?

Варфоломей втянул московский воздух. Амадей сказал, что он может делать все? Черт улыбнулся и избавился от одежды. Решил, что дома будет ходить в первозданном виде.

В ванной над раковиной обнаружилось небольшое зеркало. Вера Сергеевна и Амадей долго колдовали над рогами Варфоломея, и теперь, чтобы их увидеть, ему приходилось сильно напрягать зрение. Хвост трогать не стали, хотя сначала Амадей собирался. Он буквально взялся за нож, утверждая, что «эту всю хирургию знает и вообще на войне резал налево и направо». Вера была непреклонна, решительно встала на защиту хвоста Варфоломея и сказала, что у некоторых людей хвосты растут, мол, «нечего красоты его лишать». Знатный скандал получился. Звучало грозное слово «рудимент».

Насмотревшись на собственное отражение, Варфоломей вернулся в комнату и решительно взялся за планшет. Информации в этом мире было много.

Входная дверь распахнулась – это вернулся Амадей.

– Забыл сказать. Магия, колдовство... ну, и наши специальные особенности и умения... Можешь пользоваться, но аккуратно. Если что – всегда можно отбрехаться. Люди деньги из воздуха получают. Про биржи как-нибудь с тобой поговорим. И да, дверь лучше закрывать. А то мало ли...

* * *

Ева посмотрела на экран телефона. Пришло уведомление из банка. Редакция журнала перевела гонорар за иллюстрации для обложки. Приятно! Хотя и прошло несколько месяцев.

За окном бушевала буря. Ветер хлестал кусты, дождь лил стеной. По небу неслись темные клочья облаков. Опершись на подоконник, она лениво наблюдала за тем, как двое мужчин вытащили из багажника огромного джипа коробки и почти бегом бросились в подъезд.

В это ненастье Ева особенно остро чувствовала, что одинока. Она прошлась по комнате и достала плед. Такие дни созданы для того, чтобы вместе валяться под одеялом и смотреть фильмы, драться подушками и заниматься любовью. Наверное, любовь – это единственное, что по-настоящему важно. В любви и есть смысл жизни. Одному не так интересно делать себе какао с крошечными воздушными зефирками. Одному не так интересно хохотать над уморительно смешным сериалом... Хочется разделить радость и победы, хочется сделать любимого человека счастливым.

Еве очень хотелось сделать кого-то счастливым. Глядя на бурю за окном и кутаясь в плед, она прошептала:

– Так хочется влюбиться! – И, подняв глаза к чернильному небу, продолжила: – Пора уже встретить кого-то нормального. Даже если он будет страшен, как черт. Просто пусть будет хорошим и нормальным.

Ева не знала, к кому обращается. Требование (или просьба) тоже было весьма туманным и запутанным. Она немного подумала и добавила:

– Ну, на самом деле хотелось бы, чтобы он был симпатичным... Совсем страшным – не надо.

Грянул гром. Ева решила, что ей лень готовить, и заказала пиццу. Вместе с Григорием они включили милый фильм. Ева ела пиццу и думала о своих свиданиях. Два последних серьезно подорвали ее веру в мужскую половину человечества. А на экране неугомонная Бриджит Джонс пыталась строить отношения с идеальным мистером Дарси.

Григорий смотрел не очень внимательно, он закрыл глаза и урчал.

– Пора съездить в отпуск. Хватит работать. Надо сделать перерыв, Гриша. А то рисую, как машина. Жаль, что за кроликов нам с тобой не заплатили. Уроды!

Она не перезванивала продюсеру и режиссеру Арсению, те тоже хранили молчание.

Телефон пикинул. Ева вздрогнула. Нет, это были не «кролики». Внезапно проявился Вячеслав. Ева глянула на поток сознания в сообщении, выхватив слова «творчество», «понимание», «попытка что-то написать», и сосредоточилась на злоключениях Бриджит.

– Кот, если я соберусь в отпуск, тебе придется пожить с родителями.

Телефон тренькнул. Ева едва успела поднять трубку, как оттуда донеслось:

– Ева привет! – Звонил менеджер проектов из студии «Пиф-Паф» и говорил без пауз. – Можешь Двадцать Картинок В цвете за три дня?

– Выходные, – хищно улыбнулась Ева и почти пропела: – Двойной тариф.

Собеседник глухо застонал:

– Вот не хочешь ты меня понять! У нас все горит. Срочно...

– Я понимаю! Все понимаю, – сказала Ева. – У вас всегда все горит. И еще комментарии вносить... Нет, только по двойному тарифу.

Для порядка оба немного попрепирались – это была обязательная часть программы.

Положив трубку, Ева довольно потерла ладони.

– Денежки, денежки. Вселенная хочет мне что-то сказать.

Она сделала вид, что прислушивается.

– Венеция, – шепотом произнесла она, – Венеция! Ждет! Зовет меня! А знаешь, Гриша, в Италии, говорят, много красивых мужчин. Понимаешь, о чем я?

Она подхватила кота и поцеловала его в пушистую макушку. Такого Григорий снести не мог. Он извернулся и, демонстративно задрав хвост, ушел из комнаты.

Ева вполглаза досмотрела фильм. Параллельно она рылась в телефоне: искала билеты, отели и перечень необходимых документов для визы. В голове начал вырисовываться план. В конце концов, разве она не заслужила путешествие мечты? Но не хватало одной важной составляющей...

– Алло, Софийка! Как ты смотришь на то, чтобы махнуть в Италию? А конкретно – в Венецию? Ну, не знаю когда... У меня еще нет визы. Но в ближайшее время. Скажем, в следующем месяце? Как – улетаешь в Австралию на три месяца?!

Софийка была первой, кому Ева позвонила, и тут ее ждало разочарование. У подруги уже были планы.

Ева отправила еще несколько сообщений и приготовилась ждать.

Глава 5

Варфоломей постепенно осваивался. Уже несколько дней он просыпался от того, что соседка – глуховатая старушка – включала в семь утра телевизор. Под его мерное бормотание проходило утро.

Черт привыкал жить в окружении людей. Все оказалось не так плохо, даже в чем-то похоже на Ад. Временами шумно. Скученно. Суточно. Как он узнал, напротив жили филиппинки. Штук тридцать в двухкомнатной квартире. У них там было что-то вроде общежития. Занимались девушки уборкой. Варфоломей все время наткался на одну из этих женщин, но различал только двух. Одна была довольно толстой, а у второй имелось заметное родимое пятно на шее. Остальные же сливались. Они всегда улыбались и вежливо здоровались: «Хэлло, мистер!» – сверкая темными раскосыми глазами.

Из их жилища доносились экзотические вкусные запахи.

Кто жил в двух других квартирах, Варфоломей не знал. Никто его не беспокоил и знакомиться не приходил. Можно сказать, что появление черта в подъезде прошло незамеченным.

Но было бы ошибкой утверждать, что москвичи совсем равнодушны к соседям. Варфоломей это выяснил сразу при заселении, когда попытался настроить вай-фай. Открыв настройки новенького смартфона, чтобы подключиться к сети, черт увидел вот такие названия:

«SD_725»

«Мама_жми_сюда»

«MOI_SOSED_MUDAK»

«SAM_MUDAK»

Так что люди все-таки общались.

Социальные навыки Варфоломей оттачивал в небольшом полуподвальном магазинчике напротив. Он заходил, здоровался и уверенно называл продукты, которые ему нужны.

Меню у черта сложилось быстро и шло вразрез со всеми принципами здорового питания: пельмени, сосиски, шоколадные батончики «Сникерс», печенье и пирожные «Картошка». Правда, иногда Варфоломей готовил адское блюдо: очень мелко резал хороший кусок сырой говядины, клал на черный хлеб, перчил до тех пор, пока красное мясо не становилось равномерно черным, солил, разбивал сырое яйцо. В эту композицию он втыкал крупные осколки «Юбилейного» печенья с шоколадной глазурью, а потом быстро ел, жмурясь от удовольствия. Но, в принципе, чертов организм мог извлечь питательные вещества и витамины из ржавых гвоздей.

Продавщица Лена держала покупателей в строгости, но когда в ее подземном царстве появлялся Варфоломей, лицо ее расплывалось в улыбке. Губы, не привычные к такому действию, слушались плохо, поэтому улыбка получалась несколько странной, неуверенной.

Продавщица Лена бросала на Варфоломея томные взгляды и говорила хриплым низким голосом:

– Берите «Микояновские», сегодня завоз был. Сосиски свеженькие.

Или:

– Попробуйте шоколадное печенье. Очень вкусное. Я сама могу килограмм съесть, как чай сяду пить.

Когда Варфоломей уходил с покупками, Лена прикладывала ладони к пышной груди (килограмм шоколадного печенья за один присест ни для кого бесследно не проходит) и вздыхала:

– Хорош! Не, ну до чего хорош!

Маша из овощного отдела хихикала:

– Лен, мужик – первый сорт, надо брать.

* * *

Варфоломей быстро сделал несколько полезных открытий.

Во-первых, в метро, проходя через турникет, береги хвост.

Во-вторых, на Первом канале чертей нет. Не берут на работу, вопреки расхожим слухам и предрассудкам.

В-третьих, Почту России и Сбербанк называют филиалами Ада на Земле, и там всегда нужны специалисты по работе с недовольным населением. Но что-то туда Варфоломея не потянуло.

В-четвертых (и в совершенно бесполезных), у пингвинов есть колени.

В-пятых – без кота и жизнь не та.

* * *

– Нет-нет... извините, я улетаю в отпуск на эти даты. Никак нельзя перенести. Нет, я не смогу рисовать. Там не будет Интернета. Да, конечно, звоните.

По закону подлости, стоило Еве собраться в отпуск, как на эти даты стали падать предложения о работе.

– Как прорвало. Всем нужны иллюстрации!

Ева улыбнулась и отложила мобильный. Мама покачала головой и подвинула поближе вазочку со сливовым вареньем.

– Ты очень много работаешь.

– Вот поэтому и еду отдыхать.

Ева приехала к родителям на дачу вместе с Григорием. В Интернете она прочитала, что коты плохо переносят переезд на новое место и им требуется адаптация, поэтому решила привезти его заранее и побыть с ним хотя бы пару дней. Григорий адаптировался в течение первых пяти минут и теперь с хозяйским видом ходил вокруг стола с пирогами.

– Одна? – как ни в чем не бывало, спросила мама.

Ева мысленно содрогнулась: «Начинается».

Она глубоко вздохнула, взяла с тарелки румяный пирожок с капустой и откусила большой кусок. Как будто долгое жевание могло дать отсрочку. Понятно, что родители ее любят, но каждый раз у нее случался с мамой «женский разговор». Начаться все могло совершенно безобидно, вот прямо как сейчас.

– Нет, не одна, – ответила Ева. – Мы едем в Венецию с Маринкой.

Блеск, вспыхнувший в глазах Евиной матери, быстро потух.

– С Маринкой... Это не та ли Маринка, с которой вы учились в художке? У нее еще две персональные выставки прошли?

Ева на секунду задумалась, почувствовав себя былинным богатырем на развилке. Налево пойдешь – в разговор про личную жизнь попадешь. Направо пойдешь – про то, на что нужно тратить свой талант, узнаешь. На месте останешься – за все огребешь.

Выбор был непростым.

Евин отец, хранивший до этого момента молчание, попытался перевести разговор:

– Ева, а ты видела, на том конце поселка ветер березы свалил? Прямо на гараж Александра Юрьевича!

Ева благодарно ухватилась за эту возможность:

– Нет, не видела. О, в Москве тоже сильный ураган был, – сказала она. – И что, сильно гараж пострадал?

– Да, крышу покорежило, придется перекрывать.

Папа ободряюще улыбнулся. Они переглянулись с видом заговорщиков, но... мама не дала совершить побег от запланированной нотации:

– Кстати, у Александра Юрьевича недавно внук родился. Ева, нужно хотя бы один раз сходить замуж.

Ева смирилась с неизбежным. Оставалось только покориться судьбе и со всем соглашаться:

– Угу.

– Ева, для этого тебе нужно найти достойного мужчину.

– Угу. Я не против.

– Ева, я серьезно, – строго сказала мама.

– Угу.

Ева сидела, как хомяк, набив рот пирогами. Даже трудно стало дышать.

– Ева, соблазнить мужчину не сложно. Когда ты в последний раз варила борщ?

– Э-э-эм... не помню, – честно ответила Ева, но внутренне порадовалась, потому что на какую-то долю секунды ей показалось, что вопрос будет: «Когда ты в последний раз занималась сексом?» – При чем здесь вообще борщ? Какая связь...

– Связь, Евочка, прямая. Нужно тренироваться, не терять форму. Вот представь: останется у тебя мужчина, и что?

– Что? – эхом повторила Ева.

Градус абсурда в диалоге резко подскочил.

– Его надо кормить! – Мама была недовольна Евиным тугодумием. – Не будешь же ты ему кошачий корм сыпать или варить сосиски?

– Ну, сосиски – это не так уж и плохо.

Ева подумала о содержимом своего холодильника. К слову, там не было сосисок. Там вообще последнюю неделю не водилось еды.

Мама была вне себя:

– Нет, Ева, серьезные отношения должны строиться на традиционных ценностях! Запиши рецепт, пусть он будет у тебя в телефоне на всякий случай.

Ева послушно взяла смартфон и открыла заметки.

– А я слышала, что каждая женщина интуитивно умеет готовить, – сообщила она.

Мама фыркнула, а Ева продолжила:

– Готовить может каждая, просто не каждый мужик сможет это съесть.

Ева даже почти не пожалела, что не удержалась и не прикусила язык. Но так или иначе, рецепт был записан и надежно сохранен в ее смартфоне.

* * *

Ева уехала от родителей через три дня. Ей казалось, что она совершала побег из Шоушенка. После «замужнего» разговора действительно последовал разговор «карьерный»: «Ну и когда же ты начнешь рисовать что-то серьезное?» и «Ева, ты же хотела заниматься настоящим искусством».

Иногда родительская любовь бывает столь велика, что ее давление трудно вынести. И это становится серьезным испытанием на прочность. В стремлении видеть жизнь своего ребенка идеальной некоторые матери нарушают все мыслимые границы, сметают любые преграды. Родительская любовь бывает жестока. Не намеренно, а от избытка чувств. Но главное, все эти старания имеют совершенно противоположный эффект.

Слова точно камни – больно бьют вместо того, чтобы вдохновлять. И Ева уехала слегка подраненной. На самом деле все эти темы были ею обдуманы и передуманы. Она добилась определенных успехов в профессии, но какой художник не мечтает о большем... И отношения... Ева готова к ним, готова! Осталось только встретить подходящего мужчину.

Она посмотрела в телефон.

Вячеслав снова разместил длиннющий пост о любви. Ева пробежала по тексту глазами, и... исключила литератора, сценариста и etc из своих друзей, при этом нажимая на экран чуть сильнее, чем было необходимо. Взвесив смартфон в ладони, улыбнулась: интернет-убийство контакта принесло ей маленькое

удовольствие. А впереди ждала солнечная Италия, так что Ева запустила режим «жизнь прекрасна и удивительна». А самое главное, Григорий был пристроен, и заботиться о нем станут по-королевски. Мама даже пообещала присылать фотографии кота.

Подходя к дому, Ева мысленно составляла список вещей, которые возьмет в путешествие. Она мечтательно улыбалась, и настроение улучшалось с каждой секундой. Дверь подъезда была открыта нараспашку и для надежности зафиксирована дежурным булыжником. К бордюру были прислонены плоские картонки из «ИКЕА». Грузовичок «Кому-то везет» как раз отъезжал.

Ева скользнула взглядом по светловолосому затылку и широкой спине счастливого обладателя коробок. Как художник она оценила рельефность мышц, обтянутых тонкой серой футболкой. Как женщина – тоже. Прошла вперед, украдкой обернулась...

Руки у незнакомца были сильными, с широкими предплечьями. Но он как раз повернулся так, что она не успела рассмотреть лицо.

* * *

К Варфоломею приехала кое-какая мебель из «ИКЕА». Тут же выяснилось, что доставка только до дверей подъезда, а не до квартиры, но это черта совершенно не расстроило. Он с легкостью поднял все шесть коробок и двинулся вперед.

– А-а-а-а-а! – раздался вопль. – Ну, я вас! Убью! Вот су...

Неожиданно грубо возвращенная в реальность Ева, которая уже мысленно гуляла по венецианской площади Сан Марко, шарахнулась назад и ударилась спиной о пирамиду коробок, которую тащил Варфоломей.

Хрупкое равновесие его ноши было нарушено. Черта повело в сторону, и он приложился плечом о дверь. А еще какой-то мелкий бес бежал, не разбирая дороги, и с силой впечатался ровно под чертову коленку.

Варфоломей зашипел и попытался беса пнуть, что не улучшило его шаткого положения.

– Поймаю – убью! Черти! – неслось из темных глубин подъезда.

Ева вжалась в стену, и мимо нее с хорошим ускорением пролетел Иваныч, распространяя вокруг себя густой дух перегара.

В общем, все смешалось. «ИКЕА», черт, Иваныч.

Иваныч произнес длинную тираду, в которой печатных слов было всего три: «коза», «и», «балерина». Причем даже эти невинные слова приобрели совершенно новые смыслы.

Варфоломей замер и заслушался. Он был потрясен. Здесь, на Земле, он никак не ожидал встретить столь чистый и незамутненный чертов диалект. От слов Иваныча повеяло адской бездной, в них трещало пламя.

Да-да, тут удивляться нечему. Такое выдающееся и даже знаковое изобретение, как мат, пытаются присвоить себе многие. Есть теория, что это все от татаро-монголов, но на самом деле мат – это от чертей.

– Вы в порядке?

Голос Евы прозвучал тонко, ей не терпелось уйти.

Варфоломей кивнул. Он перевел взгляд на Иваныча, который отодвинул от себя то, что в собранном виде станет комодом.

– Прости, мужик, я это... чертей гонял. Совсем озверели...

Дальше Иваныч весьма красочно отметил степень «озверения». Варфоломей снова заслушался.

Ева в это время поняла, что никто особенно не пострадал и вот он – самый подходящий момент, чтобы удалиться. Она поспешила к лифту.

– Это были бесы, – ради справедливости поправил Варфоломей.

– Озоруют, засранцы!

Иваныч сменил гнев на милость, пригладил жиденькие седые волосенки, которые от пережитого волнения встали дыбом. Он смачно икнул, встал на четвереньки, а потом принял вертикальное положение. Варфоломей недоумевал, почему Амадей настаивал на том, чтобы он ходил в одежде. Вот же перед ним чистокровный человек, который явно не старается прикрыть тело.

Действительно, облачение Иваныча было весьма неформальным: майка с говорящим названием «алкоголичка» болталась на щуплых плечах, довершали костюм семейные трусы в веселенький цветочек.

Вообще в обычное время старик вел себя вполне прилично. Жил тихо, но иногда к нему приходили бесы. Эта напасть с ним случалась, когда он брал самогонку у старой ведьмы Ленки из четвертого подъезда. Бесы как чувствовали, но Иваныч сам был виноват в своих злоключениях, каждый раз допуская одну и ту же ошибку. Чтобы не пить самогонку в одиночестве, он их угощал. Те, естественно, становились буйными (в отличие от чертей, пить бесы совершенно не умеют). Иваныч пытался их утихомирить и начинал бесов гонять. Пару раз его из-за этого увозили на «Скорой», еще пару он попадал в неловкие ситуации и даже бывал бит.

Варфоломей тоже поднялся и принялся заново собирать коробки, решив заодно наладить контакт с соседями:

– И часто... бесы приходят?

И тут же понял, как давно он ни с кем не общался (не считая перечисления продуктов). А это, черт возьми, тяжело.

Когда первое и даже второе впечатления после переноса в новый мир улеглись, его начали одолевать мысли о Кайли. А это было похоже на одиночный заплыв в бассейне с кипящей смолой. Легче не становилось. Поэтому потребность поговорить стояла остро.

– Бывает, – неопределенно ответил Иваныч и подозрительно посмотрел на Варфоломея. – А ты это?.. Того? Их видишь, что ли?

Варфоломей кивнул и улыбнулся:

– Один в меня врезался. Но они обычно парами бегают. Значит, второй где-то...

Иваныч взбесился:

– Шутник... мля... самоучка. Да пошел ты!

Он изрыгал ругательства, как дракон изрыгает пламя.

Варфоломей понял, что человек к общению почему-то не расположен, поэтому спокойно справился с коробками и пошел к лифту. А что делать? Люди – существа странные и умом непостижимые.

– Галоперидол попей. И бухать надо меньше, – неслоь ему вслед.

Тут Иваныч замолчал на полуслове и... бросился за Варфоломеем вдогонку, ругая себя последними словами. Этого ж мужика можно позвать выпить! Веселее же будет. Не все с бесами квасить!

– Эй, погоди... Стой!

Но лифт уже закрыл дверцы и вознес Варфоломея ввысь вместе с его коробками.

Глава 6

Ева собирала чемодан. Твердо решила, что много вещей ей ни к чему. Тем более в Италии, в самом сердце моды, где она надеялась пополнить коллекцию одежды. Но почему-то чемодан оказался забит. В нем уже лежали несколько платьев, легкие брюки, пара футболок, топики и блузки, легкий плащ и махровый халат.

Повинуясь порыву, Ева раздвинула обувные коробки на самой верхней полке и извлекла на свет туфли. Головокружительные, тончайшие шпильки. В них Ева не могла ходить. Да что там, в них было невозможно стоять, только эффектно сидеть или лежать. Нет, было бы полным безумием брать их с собой...

Ева оставила туфли рядом с кроватью, твердо решив, что такую красоту прятать нельзя и как только она вернется из путешествия, сразу начнет их разносить.

* * *

В это же самое время Варфоломей собирал мебель из «ИКЕА». Как настоящий мужчина, черт проигнорировал заботливо вложенную инструкцию, поэтому ящики в комод не вставлялись.

Варфоломей поднялся, задумчиво почесал рога о дверной косяк, и тут в дверь постучали. Черт прошел в коридор, стук повторился. Оказывается, стучали из ванной. Варфоломей открыл. Это были бесы с извинениями. Они кланялись и протягивали подарки на новоселье: кроличью лапку на удачу, кусок угля и моток ниток.

Варфоломей извинения принял (кстати, под коленом наливался синяк), поколебавшись, взял и подношения. Бесы постарались помочь со сборкой комода, но от большого старания потеряли несколько винтиков. Потом они молча сложили одежду Варфоломея в ящики и натерли его ботинки черным кремом. На стене рядом с обувной полкой остался отпечаток крошечной трехпалой ладошки.

В общем, не успел Варфоломей оглянуться, как обнаружил, что у него под ванной бесы свили гнездо и собрались жить припеваючи. То есть принялись кричать песни. Предпочтение отдавали хитам девяностых.

Сначала черт хотел их вышвырнуть, но пели бесы душевно.

«Ветер с моря... нагонял беду... видно, нет любви-и-и-и...»

Варфоломей решительно сдвинул брови и рыкнул:

– Только попробуйте у меня! Испепелю к ангелам... Чтоб не видно – не слышно!

Кстати, угроза была вполне себе реальной. Варфоломей мог. Бесы притихли и сделались невидимыми, тем самым пообещав, что беспокойства от них не будет.

* * *

Ева стояла в очереди на регистрацию, то и дело поворачиваясь вокруг своей оси, – высматривала Маринку. Маринка полчаса назад написала, что будет «через пять минут», но... пока так и не появилась. Ева волновалась.

Созваниваясь с подругой, она совершенно не приняла всерьез: «Котик, знаешь, я когда куда-то лечу, всегда прихожу на рейс последней. Несусь изо всех сил, так что ты, если что, не волнуйся и постарайся задержать самолет».

Ева прошла паспортный контроль и таможенный досмотр, сбрызнула себя духами в дьюти-фри, выложила обязательную фотку с самолетами за стеклом и устроилась в кафе. Она достала блокнот и карандаш, окинула цепким взглядом шумную многоязычную толпу и выхватила позу женщины, которая невероятно красиво держала чашку.

Ева сделала молниеносный набросок. В ее блокнот попал ребенок, у которого брови поднимались удивленным домиком, на следующей страничке поселилась пожилая англичанка с удивительно морщинистой шеей, а потом на белом листе появился мускулистый мужчина. Он стоял к Еве спиной, но чувствовалось, что вот-вот повернется, хотя пока можно было увидеть только часть его щеки.

Ева попыталась вспомнить лицо незнакомца с коробками из «ИКЕА», но... не смогла. Провал. Белое пятно. Хотя обычно схватывала образ на лету.

– Ева! Что, эскизиками балуешься?! Привет, дорогая!

Маринка свалилась как снег на голову. Она грохнула сумку на свободный стул, заключила Еву в объятия и с шумом расцеловала в обе щеки.

– Как же вовремя ты меня вытащила! Твой звонок – это само провидение. Так, что ты пьешь? Девушка! Можно мне то же самое! Это латте? Отлично!

Ева сама удивилась, как торопливо она захлопнула блокнот, с какой ревнивой поспешностью скрыла своего незнакомца.

– Марин, ты такая... такая...

В художке Маринка была немного полновата, такая сексуальная разбитная пышечка. Она много говорила, много хохотала, много и легко рисовала. В общем, ее было много во всех смыслах.

А сейчас перед Евой стояла половина Маринки по объему. Элегантная, худая и стильная дама. С укладкой! К самолету – и с укладкой! Это своего рода вызов. Ева посмотрела вниз и почти потеряла дар речи: туфли. На маленьком, но элегантном каблуке.

– Худая? – засмеялась Маринка. – Нервы. Жрать вообще не могу.

Ну ладно: сила воли, нервы, люди худеют – это не фантастика, но променять кеды на каблуки в сознательном возрасте – это действительно радикально.

Маринка устроилась напротив Евы, взяла из рук официантки чашку.

– Рисую и нервничаю. Нервничаю и рисую. Вот уже две выставки сделала. Весной в Нью-Йорк поеду. Все от нервов.

– Так это же хорошо, – сказала Ева, слегка удивившись. – В смысле – выставки.

– Ой, я тебя умоляю! – Маринка махнула рукой, звякнув тяжелыми браслетами на запястье. – Звучит круто. Нет, не спорю, это прикольно. Весело. Движуха. Ну, ты знаешь, я люблю. Тусовка, открытие с шампанским. А так... три картины за год продала. Правда, за нормальную цену. – Она пожала плечами. – Жить на это нельзя, конечно. Приходится крутиться. Но я вот... украшения делаю. Слушай, меня ювелирка увлекла. Серебро – удивительный материал. Ну и продается лучше, чем живопись. – Она произнесла слово «живопись» с ударением на вторую «и». – Ты мой инстаграм видела?

Когда Ева мотнула головой, Маринка извлекла визитку и едва уловимым, быстрым движением параллельно открыла приложение на смартфоне:

– На вот, полистай.

Ева уставилась на квадратные фото со всевозможными колечками, сережками, кулончиками. Сделано было талантливо. До вещей хотелось дотронуться, поддержать их, примерить.

– Красиво! – похвалила она.

– Тебе персональную скидку сделаю, если надумаешь заказать, – немедленно откликнулась Маринка. – Мне кажется, тебе вот эти сережки подойдут идеально. А еще я скульптурой занялась. Знаешь, весь стресс – туда-туда, в глину.

Маринка выхватила у Евы свой телефон и открыла на нем ленту фотографий.

– Да, действительно, м-м-м...

Скульптуры были странными. Головы женщин на длинных змеиных шеях. Безглазые одинаковые лица с чувственными губами... А вместо волос на головах «росли» пальцы. На некоторых пальцы складывались в дерзкий ирокез, иногда они представляли собой что-то вроде тюрбана.

– Глина – совершенно особенный материал. Совсем другие ощущения, когда ты мнешь массу...

У Евы по спине и по рукам пробежали мурашки.

– Мои девочки, – с гордостью сказала Маринка. – Как тебе?

«Ее девочки» больше напоминали собрание Медуз Горгон, готовых превратить зрителя в камень.

Ева осторожно подбирала слова, потому что жить с Маринкой предстояло пять дней в одном номере. И это очень большой миф, что художники любят, когда их работы критикуют.

– Эм-м-м... они такие... такие... выразительные!

«Отталкивающие», – хотелось сказать Еве. К счастью, ее ответ Маринку удовлетворил, и она спросила:

– А ты сама как? Много работы?

– Много. Первый отпуск за два года. Подумать страшно.

Маринка покачала головой и назидательно произнесла:

– Так нельзя. Труд из обезьяны сделал человека не для того, чтобы он превратился в лошадь.

Объявили посадку. Ева вскочила и засобиравалась, но Маринка продолжала расслабленно сидеть.

– Ой, успеем, – сказала она. – Там даже не пускают наверняка, так, перестраховываются. Я еще не допила, давай уж спокойно посидим...

В самолет они влетели, как две взмыленные скаковые лошади.

Отдых начался!

* * *

Варфоломей проснулся от пристального взгляда. На собранном комоде, свесив волосатые ноги, сидели бесы. Рядом пристроился Амадей. Троица молча смотрела на Варфоломея. Черт запустил в них подушкой и крепким словом.

– И тебе доброе утро! Как дела?

– До этого момента – неплохо...

Варфоломей поднялся и почесал мохнатую грудь.

Амадей хрюкнул, рыло его смешно дернулось:

– Как тебе новый мир?

Варфоломей был мрачен, как любой нормальный человек с утра. То есть зол, как черт.

– Нормально.

Амадей перешел сразу к делу:

– Ты ж еще работу не нашел?

– Нет.

– Ну и отлично! Я решил, что нельзя тебя так просто бросать, как котенка, поэтому собирай вещички. Прокатимся, музыку послушаем. Мой долг – заняться твоим образованием. А то, знаешь ли, душа за тебя болит.

Варфоломей криво улыбнулся:

– Ага, конечно... душа.

– Ну ладно, чтобы быть честными, оставим душу в покое. Меня немного тревожит факт, что в моей родной и любимой Москве появился дикий черт из Ада, который ничем не занят, а дни напролет просто шатается по городу. Да у меня мех на жопе взмок, когда я за тобой по «ИКЕА» таскался! А вчера в ресторанчике ты так на официанта посмотрел, что меня ужас разобрал... Но поздравляю, ты прошел первую проверку на выживаемость.

– Хм... отлично. Значит, цели нет, а проверки есть.

Варфоломей недоверчиво хмыкнул, чуть подумал и решил не обижаться на «дикого черта из Ада».

– Еще бы! Но сейчас проверка – это тьфу. Но нынче не то что давеча... Вот раньше – один неверный шаг, и на кол могли посадить. Или четвертовать... Тоже не айс. А сейчас... Ну в полицию заберут, ну в психушку... Хотя там такие очереди, что не всех берут еще! Но я в тебя верил!

Бесы спрыгнули с комода и забегали вокруг Варфоломея. Завертели хвостами, и он рассеянно почесал им лысые макушки.

– Верил он в меня, – проворчал черт.

Амадей продолжил:

– Да, между прочим. Я покой потерял. Сначала показалось хорошей идеей предоставить тебя самому себе. Так сказать, в омут с головой. Бросить в мир, чтобы ты тут сам варился. Устраивался. Но проклятая гиперответственность! Надо сказать, меня волнует, чем ты собираешься заниматься. А то знаешь: «Как дорожит своим деньком малюточка-пчела... бла-бла-бла... Всегда для праздных рук найдет занятие Сатана». Цитата неточная, но неважно. – Амадей был крайне взволнован. – Убивать тебя случайно не тянет? Нет? Ну... не знаю... Крови теплой выпить не хочется?

– Хм... – неопределенно промычал Варфоломей, – даже не знаю. Если только прямо сейчас.

Амадей замер, а потом его лицо расплылось в улыбке:

– Ты шутишь, а я уж подумал... Не пугай меня так. Я ж не зря тебе сказал, что можешь делать все, что люди делают. А люди убивают. Некоторые – вообще кровожадные.

– Тогда в чем проблема? – поинтересовался Варфоломей.

Не то чтобы он планировал заняться убийствами, спросил скорее из принципа.

– Понимаешь, – тут в голосе Амадея прорезалась сталь, – свобода воли – на то она и свобода. Я не могу диктовать тебе, что делать. Но у меня тоже есть эта самая свобода. Я тут давно, и у меня сложилась прямо железная уверенность: черт-убийца здесь не нужен.

Варфоломей посмотрел в глаза своего собеседника, в них взметнулось адское пламя. Лицо Амадея утратило расслабленность и благодушие, обнажилась звериная сущность. В этот момент Варфоломей отчетливо понял, что его лучше

иметь среди своих друзей, чем среди врагов.

Амадей деловито посмотрел на золотые часы («Картье», если это имеет значение) и сказал:

– Заболтались мы тут с тобой. Собирайся быстрее. В Венецию поедem.

* * *

Варфоломей сидел в частном самолете и заметно нервничал:

– И эта штука летает?! Да пошло оно... – пробурчал он, поглядывая в иллюминатор.

– Варфоломей, не многие могут позволить себе такой комфорт. Не кисни, привереда. Ты уже пробовал икру? Во-во-во... берешь и запиваешь шампанским. Отлично, правда. И расслабься, отдайся ощущению полета... Мой друг любезно предоставил нам свой самолет. На самом деле он мне здорово обязан, но все равно люди еще склонны к душевным порывам.

Варфоломей вцепился в подлокотники, когда самолет начал выруливать на взлетную полосу.

– Нас ждет прекрасный город, – вещал Амадей. – Древнее искусство, музыка, мороженое, маски. Кстати, ты в Москве демонов не встречал?

– Нет, – напряженно ответил Варфоломей.

– А с ведьмами не пересекался?

– Нет. А кто это?

– А, так... не бери в голову. Завидую я тебе, Варфоломей. Первый полет – совершенно особенное дело.

Самолет мягко оторвался от земли и набирал высоту. Варфоломей прилип к иллюминатору и с детским восторгом смотрел, как дома, машины, деревья становятся игрушечными, а поля превращаются в подобие лоскутного одеяла.

Амадей наблюдал за ним, откинувшись в своем кресле:

– Видишь, этот мир – территория безграничных возможностей. Тут даже рожденный в Преисподней может летать.

* * *

Ева вдыхала итальянский воздух, подставляла лицо жаркому солнцу и щурилась от обилия непривычно сочных красок вокруг. Говорят, что Питер похож на Венецию. Ничего общего! Каналы с изумительной изумрудно-голубой водой, запах морской соли, дома с таинственными черными провалами стрельчатых окон, словно вылепленные из разноцветной пастилы, и огромное количество стильных мужчин. Ощущение карнавала, гондолы и катерки, покачивающиеся на привязи... Разве такими словами кто-то стал бы описывать культурную столицу России? Нет.

Ева с Маринкой погрузились в вапоретто и понеслись по волнам мимо дворцов, глядя на открыточную панораму города.

– Сейчас прибудем в наш отель, а потом найдем итальянский ресторан. Умираю хочу пиццу, пасту и каких-нибудь морских гадов на закуску, – сказала Маринка. – А потом пойдем гулять. Ох, ты только посмотри, Ева, какая красота вокруг!

Ева кивала и поправляла волосы, которыми играл ветер.

Вапоретто доставил их на площадь Святого Марка. Мрамор. Тучные голуби. Бесконечная толпа туристов. Ева послушно шла за Маринкой, которая уверенно лавировала в людском потоке. Кафе, траттории, желатерии, кондитерские, рестораны и ресторанчики были на каждом шагу и искушали необыкновенно аппетитными запахами, зазывали витринами со всевозможными деликатесами. Маски. Дешевые сувениры и одетые в мрамор площади, каналы и пробки на горбатых мостиках – все сплеталось в причудливый калейдоскоп.

– Ты знаешь, что итальяшки хотят ограничить въезд туристов в Венецию? – отдуваясь, спросила Маринка. – И правильно сделают, многовато народа.

Прямо перед ними проход в узкий переулок заслонила группа японцев, которые в едином порыве щелкали фотоаппаратами, словно бойцы на плацу – затворами ружей.

– Вроде бы наш отель расположен в тихом месте. Судя по отзывам, – сказала Ева.

Отель они выбрали с романтическим названием «Палома». То есть «голубка».

На вывеске величественного венецианского особняка винного цвета красовалась белая голубка с оливковой ветвью в клюве. Кто бы мог подумать, что голуби умеют улыбаться, когда несут оливковые ветки?

Маринка склонила голову набок.

– Что не так у нее с пропорциями?

– Клюв должен быть меньше. И хвост неправильный.

Художники профессионально разгромили рисунок, после чего вошли в гостиницу.

Тяжелая дверь привела Еву и Маринку в зеленый сумрак и прохладу временного жилища. За стойкой им кивнул итальянец с львиной гривой седеющих волос:

– Синьоры...

Портье царственно склонил голову. В этом жесте была бездна снисходительности. А дальше на языке Шекспира разыгралась традиционная пьеса «Заселение», в ходе которой, естественно, сначала не могли найти данные о бронировании, и над подругами нависла нешуточная угроза, что их номер отдан другим туристам. Но все разрешилось благополучно, паспортные данные были внесены в систему, получен тяжелый средневековый ключ с номером «четыре», и вот уже чемоданы отбивают колесиками победоносную дробь по

ступенькам.

– Ого!

Ева обзревала огромную комнату. Старинное зеркало в золотых разводах в золоченой раме от пола до потолка, две двуспальные кровати с балдахинами, величественные медные светильники.

– Понятно, почему этот старый хрен не хотел нас заселять...

– Да, на фотках все было... проще. Они, похоже, ошиблись... По ходу, наш номер действительно кто-то занял, – сказала Ева.

– И хорошо! Как я благодарна этим людям! Нет, ты только посмотри! – Маринка прошла в ванную. – Да тут олимпийский бассейн поместится. Так, Ева, если они попытаются нас выселить, прикидываемся валенками, ничего не понимаем, ни на каком языке не говорим. Остаемся здесь жить!

Скрипучие ставни были распахнуты, внизу плескалось море. С замиранием сердца Ева следила за тем, как длинная гондола скользила по воде. Гондольер в тельняшке посмотрел в их окно, белозубо улыбнулся и, махнув рукой, затянул приятным баритоном сентиментальную песню. Ева зажмурилась на несколько секунд и открыла сначала один глаз, потом второй. Венеция была на месте.

– Так, я быстро в душ, а потом пойдем найдем ресторан.

– Угу...

Ева не двигалась, она продолжала слушать песню и смотреть на воду в канале.

– И мы не поступим, как типичные туристки! – Голос Маринки эхом отражался от кафельных стен. В ванной легко можно было давать оперный концерт: такая акустика. – Мы не поплывем на гондоле! Никаких гондол! Вся эта романтическая чушь нам ни к чему!

– Конечно!

Ева высунулась из окна и сделала фотографию. Ее смартфон резко пиликнул. Оказалось, мама прислала три фотографии Григория, который валялся на веранде в самых живописных позах. К снимкам прилагался подробный отчет о том, как хорошо кот поел и сколько раз посетил туалет.

* * *

Со скоростью, выдававшей в них жителей Москвы, Ева и Маринка влетели в крошечный ресторанчик. Обоим понравилось, что столики представляли собой большие бочки, словно их только что скатили с какой-нибудь пиратской шхуны. К тому же написанное мелом меню на входе радовало знакомыми названиями.

Подруги устроились за бочкой и с хищным наслаждением наблюдали, как суровый хмурый повар крутит тесто, превращая колобок в тончайшую лепешку. Легкими элегантными движениями ладони он насыпал на тесто сыр.

– В жизни не видела ничего прекраснее.

Пицца отправилась в печь, в которой яростно плясало алое пламя.

Официант материализовался перед столиком и налил в бокалы красное тягучее вино.

– Ну, за начало нашего отдыха!

– Ура-ура!

Звякнуло стекло.

Ева и Маринка молчали. Ожидание было вознаграждено: когда Ева вонзила зубы в огненную, правильно хрустящую пиццу с тягучим сыром, она тихонечко застонала.

Потом были фетучини с белыми грибами и пармской ветчиной, утопающие в невероятном сливочном соусе. Пармезан нежно плавился, оливковое масло блестело золотом.

Нужны ли тут слова?

– Это вкусовой оргазм!

– О, да!

Подруги лениво потягивали вино.

– Но ты же понимаешь, что мы просто обязаны съесть десерт и выпить кофе?

– Конечно.

– Ох, Ева, как хорошо, что ты подумала о Венеции! Это как раз то, что мне было нужно.

Народу в ресторанчике прибавилось. Теперь повар работал еще быстрее. Белоснежные круги теста мелькали в воздухе, словно игнорируя законы гравитации.

– А знаешь, это так здорово – просто выбраться. Будем ходить и смотреть на картины, наслаждаться едой и архитектурой. Главное, никаких мужиков!

Маринка так строго посмотрела на Еву, словно подозревала, что та тайно провезла в чемодане мужика.

Еву удивил такой напор, а Маринка продолжила:

– Я недавно поняла, что он от нее никогда не уйдет.

– Кто?

Ева расслабилась и потеряла бдительность.

– Мой Максим. Конечно, он никакой не мой, а подлый женатый Максим. Вот скажи, как можно пять лет быть такой наивной и верить, что он разведется?

Ева слушала.

– Мой тебе совет: никогда не верь женатым. Все они будут петь, что жена плохая и вообще такая-сякая, его не понимает... и как только, так сразу... Но при этом возвращаться он будет к ней, ездить в отпуск – опять с ней. А потом... «дети не могут расти без отца» или «развод ее погубит, разобьет ей сердце, она не сможет оправиться». Понимаешь, за эти пять лет я загнала себя в какой-то ад. И все это вранье... Короче, я поставила ему ультиматум: либо я, либо она. Мы расстались, сердце разбито у меня... Зато он понял, что любит свою жену. Представляешь, он вспомнил, что давал ей клятву! И я перешла из разряда «самой любимой на свете» в разряд «ошибок»!

Маринка стукнула рукой по бочке, ее бокал жалобно звякнул.

В таких случаях не скажешь, «да ладно, все будет хорошо», поэтому Ева продолжила молчать, только подлила еще немного вина себе и Маринке. Но подруга обладала поистине железной волей и просто неистребимым оптимизмом.

– Кроме депрессии, общественного порицания, упущенного времени и потери самоуважения в этих отношениях были свои плюсы. Во-первых, нескучный безудержный секс... – Маринка улыбнулась, встряхнула головой и принялась загибать пальцы: – Две персональные выставки. Периоды отчаяния, что весьма продуктивно для творчества. Периоды небывалого подъема и восторга, что еще более продуктивно для творчества. Хотя я, знаешь ли, люблю пострадать, сконцентрироваться на этом чувстве душевного дискомфорта. Когда душу выворачивает, там можно найти много всего интересного. Но сейчас я чувствую, что мне необходимо одиночество, никаких отношений... То, что мне нужно, – это обрести себя. В конце концов, может же женщина быть полностью самодостаточной и независимой?

– За независимость и самодостаточность, которую мы обретем в солнечной Венеции! – Ева улыбнулась и подняла бокал.

– Да! Так и будет!

– Люблю этот город, Варфоломей! Вдохни поглубже! Воздух тут особенный. Чуешь? Остатки магии, отблески проклятий. Такие дела тут творились! Эх... сколько воспоминаний! М-м-м... Жаль, что сейчас нет карнавала. Нарядили бы тебя... Рога бы показал во всей красе, – Амадей хрюкнул от переполнявших его чувств. – И главное, никто бы ничего не заподозрил.

Варфоломей сидел на пуфике и примерял мокасины Tod's из мягчайшей кожи.

– Ну как? – Амадей склонил голову набок. – Твои ноги уже ощутили райское блаженство? Готовы порхать, словно... хм... словно стая бабочек?

– М-м-м... – неопределенно ответил Варфоломей.

Он немного стеснялся своих ног. Да и сравнение ему совсем не понравилось. Где бабочки, а где чертовы ноги? Все-таки копыта выглядят солиднее. А пальцы – такие беззащитные! И шевелятся смешно. Да еще улыбчивые девушки-консультанты очень пристально смотрели на его стопы. Это черта смущало.

Варфоломей привык, что на него в Аду все таращатся, как на диковинку, и рассудил, что Земля в этом отношении ничем не лучше. Он не мог знать, что этим вечером Лучия, которая принесла ему черные мокасины, на привычный вопрос своей тетушки: «Как сегодня твой день?» – ответит: «О, тетя, сегодня я видела мужчину с самыми красивыми ногами. У него такие ровные пальцы! И ни единой мозоли, словно он никогда в своей жизни не носил башмаки».

– А мне пришлось походить в лаптях. Вот где была пытка-то, – доверительно сообщил Амадей. – И побегать в них пришлось. К обуви вообще молниеносно привыкаешь, когда за тобой гонится толпа с вилами и горящими факелами. Прямо вот любой дискомфорт снимается. Нет. Только не красные, – это уже было сказано девушкам, которые упорхнули в недра магазина за новыми коробками.

– Надо скорее определяться. Тебе еще бы фрак добыть. Оперу нужно слушать во фраке. Даже не спорь. Тут я старомоден, как говно мамонта. Одежда помогает настроиться на нужный лад... погружает в правильную атмосферу. И мы черти, а не варвары, чтобы слушать благородную музыку в джинсах!

* * *

Завтракать Ева с Маринкой спустились под бодрое «Бон джорно». Седовласого «льва» сменил белозубый парень. Форменный пиджак был расстегнут, галстук небрежно завязан, а густые волосы взъерошены, но вид в целом был шикарный. Вполне возможно, этот улыбчивый венецианец являлся прямым потомком самого Казановы. Он проводил «синьор» в гулкий сводчатый зал, где их ждал завтрак со свежими круассанами и итальянским кофе с нежной пенкой.

Пока Ева щебетала о выставках и всяких чудесах древнего города, Маринка задумчиво смотрела куда-то в сторону.

– Марин, ты чего? Ты здесь? Ты меня слышишь? О чем задумалась?

– Да так... Извини, просто неважно себя чувствую. Знаешь, такое ощущение, что мигрень начинается.

– Ого! А у тебя есть с собой лекарства? – заволновалась Ева.

Маринка слабо улыбнулась.

– Да-да... все будет нормально. Знаешь, ты, наверное, иди, сходи на экскурсии. А я приму меры: полежу в затемненной комнате. Знаешь, полный покой, сон... Надеюсь, не накроет... – Она странно хихикнула. – Главное – я не хочу тебя напрягать. Гуляй, отдыхай... Отрывайся, подруга. Один день музеев я пропущу. Если что, на связи. – Маринка постучала ногтем по экранчику своего телефона.

Ева не успела опомниться, как оказалась на улице, сжимая в руке сумочку. Она немного попереживала, но эгоистично решила, что не даст испортить свой отпуск, и пошла гулять.

* * *

Вернулась уже вечером. Когда поднялась к номеру, за дверью раздался протяжный стон. Потом еще один.

«Ничего себе, как Маринке плохо. Все-таки мигрень ее накрыла».

Ева ощутила укол совести: она целый день гуляла и наслаждалась. Дрожащие руки быстро открыли замок.

– Марин...

«А нет, не плохо. Накрыло, конечно, но не мигрень».

Ева тихонечко попятилась, успев сохранить в памяти белые лодыжки своей подруги, скрещенные на поясице парня. Судя по форменному пиджаку, который валялся на полу, это был тот самый «шикарно-взъерошенный» потомок Казановы с завтрака.

Накрыло Маринку сильно. Можно сказать – крепко.

Из-за двери снова раздались стоны и вскрики. Любовники даже не заметили невольного свидетеля, полностью отдавшись страсти.

Ева мудро рассудила, что стоять под дверью – это как-то не очень, и вышла на улицу. Понадеявшись, что парочка не выйдет за рамки Маринкиной кровати и ее собственное ложе останется девственно чистым и непорочным, Ева решительно пошла прочь от отеля. Ноги сами несли ее по улочкам, мостикам...

С одной стороны, Ева была возмущена: вот она, женская дружба во всей красе! Но с другой – восхищена. Нельзя не признать молниеносность, с которой Маринка спланировала и реализовала свой план. И еще немного Ева завидовала...

Синие сумерки сгущались, каналы окутывала туманная дымка, отчего казалось, что палаццо висят в воздухе. Левитирующий таинственный город с темными тайнами... Ева зябко подернула плечами: ее захлестнуло ощущение опасности и тревоги. А потом она поняла, что заблудилась. Забрела черт знает куда, оказалась в стороне от пешеходных маршрутов.

Вокруг не было вездесущих туристов с камерами: стояла странная, звенящая тишина. Черные провалы окон смотрели вопросительно. Не было ресторанчиков

и сувенирных лавок. Из тумана вынырнула фигура, закутанная в плащ, – чумной доктор.

По рукам побежали мурашки. Ева едва не закричала, когда незнакомец отвесил церемонный поклон, махнув пером по мостовой. Сердце колотилось, как безумное. Разум подсказывал, что это просто актер, который торопится на какое-нибудь венецианское шоу. Но, не дожидаясь, когда шаги стихнут в тумане, Ева бросилась бежать.

* * *

– Ой, ну ладно тебе! Ну где здесь можно заблудиться? Где ты вообще этот туман нашла? Это все художественное преувеличение... Погода-то ясная.

Ева и Маринка сидели в номере и ели пирожные. Наперегонки.

– Сама не поняла, где оказалась, но очень хотела оттуда выбраться. А потом – раз! – и через минуту я уже у отеля. Знаешь, как говорят: нечисть крутит. Но ты в любом случае провела день гораздо интереснее...

Маринка напустила на себя притворно-скромный вид, затрепетала накрашенными ресницами.

– Хочешь, завтра встанем пораньше и вместе пойдем встречать рассвет на Сан Марко? Ну котик, ну не обижайся... Просто нужно было снять стресс...

Она внимательно посмотрела на Еву и довольно потянулась, как кошка, объевшаяся сметаны. Ева испытала острое раздражение и невольно подумала о том, когда у нее в последний раз был секс. Вспомнила два последних неудачных свидания... Съела еще одно пирожное.

А Маринка продолжала философствовать:

– Расставание – это... знаешь ли, очень больно. Как... м-м-м... восковая эпиляция. Сидишь с наклеенной полоской, смотришь на нее, терзаешься, страдаешь... И знаешь, что приносит облегчение? Нужно, чтобы кто-то взял – и отодрал.

Ева усмехнулась.

– Кто-то говорил «никаких мужчин»... – не удержалась она, уколов Маринку.

– Да, первоначально план был такой. Но я же женщина, я не могу все решить раз и навсегда. Тем более... ты его видела? М-м-м... какая крепкая задница! Прелесть.

– Да ну тебя!

Ева поморщилась, но губы сами изогнулись в кривоватой улыбке.

– Ко-о-тик, ну зачем ты кривишься? Морщины появятся раньше времени. У тебя вид, как будто ты съела дольку лимона. А знаешь, у Анжело наверняка найдется какой-нибудь друг...

– Марин, нам скоро уезжать. Ну какой друг...

– Еще два дня. Это ого-го сколько времени! Будет не просто отпуск, а «итальянское приключение». М-м-м?..

Она подмигнула Еве и засмеялась, но Ева не разделяла Маринкину веселость: она все больше хмурилась.

– Да ладно тебе! Что ты надулась, как мышь на крупу? Осуждаешь?

– Нет. Ты большая девочка. Но могла бы просто сказать... а не придумывать мигрень.

Ева расставила все по местам и почувствовала себя занудой.

– Это было бы не так интересно, – лукаво заметила Маринка. – И потом, я же говорю... Нет... я тебе клянусь, что ничего заранее не планировала. Это был порыв вдохновения. Импровизация.

– Ага, конечно.

– Нет, серьезно. Все, знаешь ли, получилось само собой. Легко и непринужденно. Наши флюиды совпали. М-м-м...

Ева поднялась и прошла в ванную, закрыв за собой дверь.

* * *

Варфоломей слушал оперу и прикидывал, сколько это может продолжаться. Он то и дело бросал косые взгляды на сидящего рядом Амадея и поражался выражению райского блаженства у того на лице.

Сначала черт честно пытался вникнуть в происходящее на сцене. Но через час сдался. Нет, пели действительно прекрасно. Но без предварительной подготовки высидеть трехчасовую оперу – то еще испытание.

Веки отяжелели, и Варфоломей прикрыл глаза. Бархатная темнота зала обволакивала и действовала усыпляюще. В какой-то момент он не выдержал и погрузился в блаженную дрему. Разбудили его аплодисменты.

Варфоломей встрепенулся. Зал рукоплескал стоя. Когда зажегся свет, он с удивлением увидел, что по щекам Амадея, оставляя мокрые дорожки, бегут слезы.

– Браво! Брависсимо! – Амадей не жалел ладоней. – Это было роскошно!

Через несколько минут толпа любителей оперы выплеснулась на улицу.

– Как в Раю побывал, – поделился Амадей. – Ох, еще немного – и воспарю.

Он распустил свою бабочку и расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке.

– Даже дыхание перехватывает. Ты как? Нормально?

Варфоломей чувствовал себя выпавшимся. Свежий ночной воздух прогнал оцепенение, вызванное чрезмерным давлением классической музыки.

– Никогда такого не слышал, – не погрешил против истины он.

– Слушай, меня сейчас разорвет от избытка чувств. Нужно как-то заземлиться.

Амадей завертел головой.

– Да, определенно. И тебе познакомиться с нужными демонами не помешает. В нашем мире без связей – никуда.

Черти долго петляли по улочкам. Варфоломею стало казаться, что они шли целую вечность. Иногда Амадей останавливался, возвращался на несколько шагов, а потом снова шел вперед. Несколько раз он крутился вокруг своей оси. А еще под ногами путался серый туман. Он выполз из канала и увязался следом, разрастаясь, принимая причудливые формы, пока не окутал все вокруг плотной стеной.

Варфоломей перестал что-либо видеть, к тому же его раздражала сырость, которая противно холодила нос.

– Почти, почти пришли. Осторожно, тут ступеньки, – суетился Амадей. В голосе звучало предвкушение.

Варфоломей вовремя остановился и поэтому не споткнулся.

Они с Амадеем поднялись по лестнице, из-за двери доносилась приглушенная музыка.

– Нет... – выдохнул Варфоломей. – Только не музыка. Только не опять. Мы же уже...

Ни слова не говоря, Амадей толкнул дверь.

Варфоломей боролся с желанием развернуться и скрыться в тумане. Он всегда трезво оценивал свои силы и понимал, что еще одну оперу ему не осилить. Едва ли в мире найдется человек шесть, способных прослушать две оперы подряд, но Варфоломей об этом не догадывался.

Амадей не дал ему шанса на трусливое отступление, подхватил под локоть и втянул в красное нутро дома. Туман остался за порогом, свернулся кольцами и приготовился ждать. Это был весьма странный туман.

Варфоломей успел заметить черные бархатные шторы и красное освещение комнат, успел услышать приглушенный женский смех, а потом на него прыгнула совершенно обнаженная женщина, душно обняла и впечатала мокрый скользкий поцелуй прямо в шею.

– Привет, красавчик! Что-то я тебя раньше не видела, – прошептала она.

Варфоломей машинально попытался ее от себя оторвать. Он слегка повернул голову, чтобы увидеть, что к Амадею присосалась вторая точно такая же. Но одежды на ней было больше. Кто скажет, что туфли и чокер – не одежда?

– Амадей! – проурчала вторая. – Давно не виделись. Почему не заходишь?

– Дела, София, совсем замотался.

В этот момент Варфоломей потерпел поражение, и незнакомка опять добралась до его шеи, а ее руки начали поглаживать черта против шерсти. Почему-то у него возникло ощущение, что рук у дамы было не две, а минимум четыре. А еще она умудрялась тащить Варфоломея дальше в красные комнаты.

– Пойдем со мной, милый. Пойдем... ты такой... – речь ее стала бессвязной.

Амадей, посмеиваясь, прошел следом. Он приобнимал ту, что называл Софией, за талию.

– Ольга, не пугай Варфоломея, он только что из Ада прибыл. Еще, считай, не видел ничего.

– Так я покажу... м-м-м... все...

Женщина выпустила Варфоломея и чуть отстранилась. У нее были темные волосы, которые в красных отсветах казались огненно-рыжими.

Все, что еще смог понять Варфоломей о внешности Ольги, – это жадные, неестественно полные губы.

– О, из самого Ада? Так ты падший ангелочек?

Амадей грустно вздохнул и заворковал очень ласковым голосом:

– Нет, он тоже черт, дорогая. Это можно понять по первичным, так сказать, признакам: по его рогам... хм-м... по отсутствию крыльев.

– Да? – губы вытянулись удивленной буквой «о».

– Сейчас, девочки, мы придем.

Амадей по-хозяйски пошлепал Софию по заднице.

Ольга окончательно отлепилась от Варфоломея и ушла вперед, призывно покачивая бедрами. Похоже, ее совершенно не смутила ошибка.

– Ой, дура, – вздохнул Амадей, – ой, дура... Ну как можно тебя принять за ангела? Но... у нее есть другие достоинства. В конце концов, не всем же академиками быть.

Варфоломей в это время брезгливо вытер шею.

В зале у шестов извивались танцовщицы. Вот откуда была слышна музыка.

Амадей окинул взглядом блестящие тела.

– Ну, тут не очень весело. Как банально. Ангелица и чертовка. Пф-ф! Ничего нового.

Он схватил Варфоломея за рукав и потащил в зеркальный коридор, не дав полюбоваться танцем.

Навстречу вышла женщина в черном латексном костюме, ведущая на поводке полноватого мужчину.

– Ба! Дмитрий Андреич, привет! – Амадей раскинул руки.

– Ну-ка рядом. Сидеть! – грозно скомандовала латексная тетка и дернула за поводок.

Дмитрий Андреич с готовностью плюхнулся на попу.

– Я смотрю, слушается. Хороший мальчик, – сказал Амадей. – Вы в Москве будете, мне обязательно позвоните, обговорим...

Он не успел закончить фразу, как неожиданно Дмитрий зарычал и попробовал Амадея укусить за ногу.

– Будешь наказан, – с упоением сказала его «хозяйка». – Кусаться вздумал! Я тебя научу хорошо себя вести.

Она резко дернула за поводок и потащила «собачку» куда-то в коридор. Дмитрий заскулил.

Амадей вздохнул и доверительно сообщил Варфоломею:

– Владелец заводов, газет, пароходов... А если серьезно – мужик нечеловечески богат. Все, к чему прикасается, превращается в золото, доллары, биткоины. Говорит, что устает от ответственности и вот так отдыхает. Отказывается принимать любые решения. Не мог его не поддразнить... Прикольно он себя повел... А?

– Где мы? – хрипло спросил Варфоломей.

– Ну, тут такой клуб по интересам. Знаешь, каждый найдет себе занятие по душе. Люди общаются...

Амадей толкнул неприметную дверь.

– А главное, секс здесь совершенно безопасный. Можно не бояться нежелательных последствий.

Варфоломей уставился на причудливое переплетение рук, ног, тел на огромной круглой кровати.

– Тесно общаются, – хмыкнул он.

– Здесь можно встретить демонов человекоподобных, естественно, чертей, – Амадей показал на себя и Варфоломея, – ведьм всех направлений, колдунов, магов... Только не спрашивай, чем они различаются, сам точно не знаю. Как тебе, кстати, Олечка? Понравилась?

Варфоломей вспомнил мокрые жадные губы и скривился.

Амадей кивнул:

– Понял. Давай выпьем что-нибудь бодрящее.

В уютном зале с барной стойкой жарко пылал камин. За исключением бармена, сосредоточенно протирающего стаканы, тут никого не было. И вообще в этом зале все выглядело подозрительно нормальным. Кроме...

– Кстати, о всяких созданиях природы: а в Аду вампиры есть?

Амадей снял со стены плетку и рассеянно принялся крутить ее в руках.

– Это те, которые кровью питаются? – уточнил Варфоломей.

– Ага... кровососы. Знаешь, как говорят? Вампиры очень странный предмет – вроде сосут, а радости нет.

Варфоломей усмехнулся.

– В Аду они не прижились. Все эти их взгляды магнетические... Быстро выперли.

– Вот и здесь не прижились. Я, ты знаешь, патриот. Люблю жить в России. Но там вампиров или упырей всегда мало было. Зима долгая, а у них и так кровь стылая. Зато много в Италии и Испании. Дай Люцифер памяти, точно век не назову. Ну так вот: я тогда взял фриланс, как говорят сейчас. Сотрудничали со Святой Инквизицией, отловили, поджарили... освободили землю от этих скотов.

Амадей отложил плетку, глаза затуманились воспоминаниями.

– Да, неплохое время было. Между прочим...

Амадей хотел еще что-то рассказать про инквизицию, когда в зал вошла демоница. В первую секунду у Варфоломея перехватило дыхание, словно его ударили, перед глазами предательски потемнело: показалось, что перед ним – Кайли.

Потом он сам удивлялся своей реакции, поскольку трудно было бы найти двух более непохожих демониц. Разве что гордая плавность движений и цвет волос.

Демоница отвернулась к бару. Звякнул лед о стекло. Бокал наполнился ядовито-зеленой тягучей жидкостью.

Как замороженный, Варфоломей следил за изящной ручкой незнакомки. Каждый острый коготок был украшен россыпью маленьких камушков, они красиво поблескивали. Варфоломей встретился с демоницей взглядом. Ее губы изогнулись в улыбке, кокетливо обнажив кончик белого клыка.

Ни слова не говоря Амадею, Варфоломей развернулся, быстрым шагом прошел по зеркальным коридорам и крепко хлопнул входной дверью. Туман так и лежал на лестнице у входа. Варфоломей пнул его, можно сказать, от души. Он переходил мостики и сонные площади. Ноги сами несли его по венецианским дворикам.

Оказалось, они пробыли в этом странном доме гораздо больше времени, чем он предполагал. Небо приобрело жемчужную бледность. За особняками Варфоломею не было видно, но на востоке появился розовый росчерк, предвосхищающий восход солнца.

Глава 8

Ева трясла Маринку за плечо.

– Вставай...

Маринка протестующе заворчала и натянула на себя одеяло.

– А... что... Сколько времени?

– Скоро рассвет.

Маринка сморщилась.

– Не-е могу.

Она перевернулась на другой бок и глубоко вздохнула.

Ева постояла несколько секунд, подхватила сумку и на цыпочках вышла из номера, затворив дверь.

На самом деле она обрадовалась. Интуитивно чувствовала, что рассвет на площади Сан Марко нужно встречать либо в гордом одиночестве, либо с возлюбленным. Этот момент требовалось положить в копилку очень личных воспоминаний.

Ева вышла на пустынную, странно притихшую площадь. Никого. Даже странно. Она бесшумно шагала под мерное, ласковое воркование еще сонных голубей. Один сизый вспорхнул из-под ног, мягко задев крылом.

Взгляд блуждал от Дворца дождей к волшебным часам на башне Святого Марка, устремлялся к стремительно синеющему небу и опускался на мрамор площади в безуспешной попытке охватить всю открывающуюся величественную красоту. Ей принадлежало все...

Неожиданно уединение было нарушено. Все произошло быстро и странно. Стоило всего-навсего моргнуть, как вместо архитектурных красот Ева уставилась на расстегнутый ворот белой рубашки, шею, волевой подбородок со светлой щетиной и наконец-то встретила с пронзительным взглядом небесно-голубых глаз.

– Да отвяжись от меня, наконец! Вот ангельская напасть-то!

Варфоломей пытался избавиться от тумана, который цеплялся за его ноги, поэтому Еву перед собой просто не заметил и был удивлен в той же степени, что и она.

Ева машинально шарахнулась назад и чуть не упала:

– Ой! Откуда вы... Я вас не видела.

Варфоломей ухватил Еву за руку, помогая вернуть равновесие. Как ни странно, она его узнала. «Сосед со спиной, «ИКЕА», глаза голубые», – пронеслось у Евы в голове.

У Варфоломея ничего не пронеслось.

– Извините, это все туман... – Варфоломей махнул рукой в сторону, – прицепился. Я вас не увидел.

Ева оглядела пустынную площадь, но никакого тумана не было и в помине.

– Вы же... вы... Это вы были с коробками из «ИКЕА», там, в Москве, Мастерской переулочек, двенадцать? – сказала она, чтобы убедиться наверняка. – Вас еще сшибли в подъезде? Тот старик, который чертей иногда гоняет?

– Бесов, – сухо поправил Варфоломей. – Но... да. Сшибли.

Ева колебалась долю секунды. Точнее в таких случаях будет сказать: не колебалась ни секунды. Она поправила волосы и обворожительно улыбнулась.

– Получается, мы с вами соседи. Я Ева.

– Варфоломей, – представился Варфоломей. – Получается, что так.

Брови Евы удивленно приподнялись.

– Необычно... – начала она, но, заметив промелькнувшее в глазах Варфоломея раздражение, поспешила исправиться: – Наверняка вы это слышали миллион раз.

– Сто миллионов раз, честно, – недобро усмехнулся черт.

Ева мысленно отругала себя: с чего это ей вздумалось комментировать имя? Мало ли как человека назвали.

Она искренне смутилась из-за собственной бестактности, и Варфоломей внезапно ощутил к ней симпатию. Черт изучал стоящую перед ним женщину. Настороженность сменилась легким любопытством, а потом и вовсе заинтересованностью: Ева совершенно не была похожа на демониц и чертовок. И дело не во внешних отличиях. Не в цвете кожи или отсутствии клыков, когтей, рожек. В ней не было сшибающей с ног уверенности в собственной неотразимости и агрессивной сексуальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/brusha_anna/idi-k-chertu-ved-ma

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)